

INSPIRIA

*«Я в восторге от этой книги! В духе «Дневника
памяти», только лучше (прости, Райан Гослинг)»*

COSMOPOLITAN.COM

МАЛЕНЬКИЙ
КНИЖНЫЙ
МАГАЗИНЧИК
В ТЕГЕРАНЕ

МАРЬЯН
КАМАЛИ

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Марьян Камали

**Маленький книжный
магазинчик в Тегеране**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Камали М.

Маленький книжный магазинчик в Тегеране / М. Камали —
«Эксмо», 2019 — (Novel. Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-157648-6

Книга, которая заставляет задуматься и одновременно согревает душу. Иран, 50-е годы. Роя проводит все свободное время в небольшом магазине, где торгуют книгами и канцелярскими принадлежностями. Этот магазин — островок стабильности посреди охваченного политическими протестами Тегеране. Роя встречает там свою первую любовь, Бахмана, юношу-ровесника, который увлекается поэзией и мечтает вместе с Роей о счастливом будущем для своей страны. Но, к сожалению, в Иране, все еще живущем в соответствии со строгими религиозными и патриархальными устоями, любовь далеко не всегда достойный повод, чтобы быть вместе. У Али Фахри, хозяина магазина, в котором проводит все свободное время Роя, на этот счет есть очень личная, грустная история. Поэтому он, заметив любовь между молодыми людьми, решает помочь расцвести их чувствам. Нью-Йорк, наши дни. Пожилая иранка Роя Кайям, в замужестве Арчер, навещает в пансионате для престарелых к северу от Нью-Йорка своего давнего возлюбленного... «Трогательная история об утраченной любви». — The Wall Street Journal «История о крушении привычной жизни и о любви на всю жизнь». — Publishers Weekly «Я в восторге от этой книги! В духе "Дневника памяти", только лучше (прости, Райан Гослинг)». — Cosmopolitan.com «Марьян Камали создала пронзительную историю о политической бури в Иране и несчастной любви, что разворачивается на ее фоне». — Shelf Awareness «Красочное изображение Ирана 50-х годов... Драматичная история Рои и Бахмана — как зеркало, в которой отражается непростая история их страны». — Booklist «Первая любовь на фоне весеннего Тегерана, пронизанная ароматами книг и вкуснейшей персидской кухни». — Library Journal

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-157648-6

© Камали М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	7
1. 2013. Пансионат	7
2. 1953. Парень, который хотел изменить мир	11
3. 1953. Любовь: как она ловит в свои сети	18
4. 1953. Удар цепью	22
5. 1953. Кафе «Ганади»	27
6. 1953. Расколотое небо	31
7. 1953. Госпожа Аслан	37
8. 1953. Помолвка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марьян Камали Маленький книжный магазинчик в Тегеране

*Посвящается Камрану
Я люблю тебя*

*Они стремительно соскользнули в близость, от которой так и не
выздоровели.*

Ф. Скотт Фицджеральд «По эту сторону рая»

*На свете нет ничего нового за исключением истории, которую вы
не знаете.*

Гарри Трумэн

Marjan Kamali
THE STATIONERY SHOP
Copyright © 2019 by Marjan Kamali

Перевод с английского *Ирины Гиляровой*

JACKET DESIGN BY Grace Han
Jacket ART © Getty Images; © 1234RF

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

1. 2013. Пансионат

– Я позвонила и договорилась, что приеду.

Она сказала это так, словно речь шла о визите к стоматологу или терапевту или о встрече с настырным продавцом, который обещал ей с Уолтером пожизненную гарантию на охлажденное молоко, свежие овощи и незаветрившийся сыр, если они купят эту новейшую марку холодильника.

Уолтер вытирал посуду, не отрывая взгляда от кухонного полотенца, от нарисованного на нем желтенького цыпленка под зонтиком. Он не спорил. Любовь Уолтера Арчера к логике, его умение руководствоваться здравым смыслом были для Ройи подтверждением ее собственного здравого смысла. Ведь недаром она стала женой разумного и – боже! – невероятно чуткого и внимательного мужчины. И не вышла замуж за того мальчишку, с которым встречалась так много десятков лет назад в небольшом магазине канцелярских принадлежностей в Тегеране. Вместо этого жизнь привела ее к этому столпу стабильности, рожденному в Массачусетсе. К Уолтеру, который почти каждый день ел на завтрак сваренное вкрутую яйцо.

– Если хочешь повидаться с ним, не откладывай и поезжай, – сказал он, вытирая ложки. – А то ты в последние дни чуточку нервничала.

Теперь Ройя Арчер стала почти американкой, и не только благодаря замужеству, но и потому, что прожила в Соединенных Штатах больше полувека. В ее памяти осталось детство, прошедшее на жарких и пыльных улицах Тегерана, игра в салки с младшей сестренкой Зари, но теперь ее жизнь ограничивалась Новой Англией.

Жизнь с Уолтером.

Но неделю назад она зашла в один магазинчик – купить канцелярские скрепки! – и размеренный уклад ее жизни дал трещину. Она снова перенеслась в тревожное лето 1953 года, в центр иранской столицы, в фойе кинотеатра «Метрополь». Вот круглый красный диван, над ним крупными хрустальными слезами сверкала люстра, плавал синеватыми струйками дым сигарет. Парень взял ее за руку и повел вверх по лестнице в кинозал, где на экране ласкали друг друга кинозвезды с иностранными именами. После фильма он провожал ее домой. Сгущались летние сумерки, всюду цвел жасмин, по лавандовому небу тянулись полосы самых немыслимых оттенков розового и красного. Возле одного из жасминовых кустов он сделал ей предложение. Его голос дрогнул, когда он произнес ее имя. После этого они обменивались бесчисленными любовными посланиями, строили планы на будущее. Но ничего не получилось. Жизнь лишила их всего, разрушила все их планы.

Ничего не поделаешь.

Мать Ройи всегда повторяла, что наша судьба при рождении начертана у нас на лбу невидимыми чернилами. Никто ее не видит и не может прочесть, но она там, и течение жизни следует той судьбе, как бы мы ни пытались обмануть ее.

Десятки лет Ройя прогоняла мысли о нем. Ей нужно было как-то налаживать свою жизнь в чужой стране. Замужество, Уолтер. Заботы о ребенке. Парень из Тегерана оказался где-то на периферии памяти, словно старая ненужная тряпка на дне ведра, а потом и вовсе был почти забыт.

Но теперь она наконец-то могла спросить его, почему в тот день он не встретился с ней в центре площади, ведь она ждала его там.

* * *

Уолтер умело маневрировал на скользких участках дороги, узкой из-за сугробов. Когда они резко остановились, Ройя не смогла открыть дверь машины. Видно, во время долгой поездки ее заклинило.

Он обошел капот и открыл дверцу, потому что он – Уолтер, потому что его так воспитала мать (Элис: добрая, милая, пахнувшая картофельным салатом); она научила его, как нужно обращаться с леди. Теперь ему было семьдесят семь лет и он не мог понять, почему молодые люди не берегут своих жен как зеницу ока, как хрупкое стекло. Он помог Ройе выйти из машины и поправил на ее шее вязаный шарф, чтобы он защищал от ветра ее нос и губы. Вместе они пересекли парковку, поднялись по ступенькам серого здания и вошли в Дакстонский пансионат.

В вестибюле их встретил поток перегретого воздуха. За столом регистратора сидела молодая женщина лет тридцати с пластиковым бейджиком на груди, на котором значилось «Клэр». За ее спиной на доске объявлений листки с энтузиазмом и восклицательными знаками сообщали: «Вечернее кино!» и «Ланч по-баварски!», хотя края их загнулись от времени, хотя одни немощные обитатели пансионата кое-как передвигались в инвалидных креслах по линолеуму, а другие осторожно, чтобы не потерять равновесия, толкали перед собой ходунки.

– Здравствуйте! Вы приехали на пятничный ланч? Решили присоединиться к нам сегодня? – громко спросила Клэр.

Уолтер раскрыл рот и хотел что-то сказать.

– Нет-нет, – опередила его Ройя. – Мой муж решил попробовать в «Дэндилайен-Дели» знаменитый ролл из имитации лобстера. Я увидела рекламу в «Визге». Так редко встретишь лобстеры в середине зимы, правда? Даже их имитацию. – Она несла чепуху, изо всех сил стараясь не нервничать. – Он получил пять звезд.

– Тот «Дели»? – удивилась администраторша.

– Нет, ролл из лобстера, – пробормотала Ройя.

Уолтер вздохнул и поднял кверху пять пальцев, намекая Клэр, что его жена верит в пять звезд.

– О, я поняла! Лобстер! – Клэр кивнула. Она произносила «лобста». – Что ж, этим обзорам в «Визге» приходится верить!

– Ну, ступай, – ласково сказала Ройя мужу. Она встала на цыпочки и поцеловала Уолтера в свежесбриту щеку, морщинистую, пахнущую мылом «Айриш спринг». Хотела заверить его, что все в порядке.

– Совершенно верно. – Уолтер кивнул. – Вы все понимаете. Ну, я поехал. – Но он даже не пошевелился.

Она нежно сжала его руку, как делала это десятки лет.

– Посмотрите, чтобы она не слишком разволновалась, – попросил он наконец Клэр. В его голосе слышалось беспокойство.

Волна холодного воздуха ворвалась в холл, когда Уолтер вышел из здания и спустился на ледяную парковку.

Ройя стояла возле стола, чувствуя неловкость. Внезапно ее неприятно поразил запах аммиака и чего-то вроде говяжьего рагу. Наверняка говядины с луком. Жара, компенсирующая мороз Новой Англии, делала запах невыносимым. Ройе даже не верилось, что она действительно приехала сюда. Радиаторы шипели, инвалидные кресла скрипели, и внезапно все стало казаться ужасной ошибкой.

– Чем я могу вам помочь? – спросила Клэр. У нее на шее висел золотой крестик. Она смотрела на Ройю со странным выражением лица, словно знала ее.

– Я звонила сюда и договорилась о встрече, – сказала Ройя. – С одним из ваших пациентов.

– А-а, вы имеете в виду одного из постояльцев. И кто же это?

– Мистер Бахман Аслан. – Слова медленно слетали с губ, словно колечки дыма, зримые и реальные. Столько лет она не произносила вслух его полного имени.

Крестик на шее Клэр блеснул под флуоресцентным светом. Вероятно, Уолтер уже дошел до автостоянки.

Клэр встала и вышла из-за стола к Ройе. Ласково взяла ее за руки.

– Как мне приятно наконец-то познакомиться с вами, миссис Арчер. Я – Клэр Беккер, помощница администратора. Спасибо, что приехали. Я так много слышала о вас. Мне очень важно, что вы здесь.

Значит, она не простая сотрудница, а администратор. Откуда Клэр Беккер известна фамилия Ройи? Должно быть, из журнала посещений. Но почему эта молодая женщина вела себя так, словно знала ее? И каким образом она могла много слышать о Ройе?

– Проходите, пожалуйста, – мягко сказала Клэр. – Сейчас я отведу вас к нему. – На этот раз она не добавила неопровержимого восклицательного знака, который скрашивал здешнюю бедность.

Ройя пошла за Клэр по коридору и попала в просторный холл с длинным столом и пластиковыми стульями вокруг него. Но за столом никто не сидел, не играл в бинго и не сплетничал.

Клэр показала на дальний конец холла.

– Он ждал вас.

У окна в инвалидном кресле сидел мужчина. Спина к ним, и Ройя не видела его лица. Клэр направилась было к нему, но остановилась, теребя бусы. Она наклонила голову и смерила Ройю взглядом с головы до ног, словно измеряя ее потенциал драматизма и безопасности.

– Вам принести что-нибудь? Воду? Чай? Кофе?

– О, все в порядке. Спасибо.

– Вы уверены?

– Вы очень любезны. Но нет, ничего не надо.

Теперь медлила Клэр. Боже, никто не хотел оставлять Ройю наедине с этим... постояльцем. Ради всего святого! Как будто она, маленькая семидесятилетняя женщина, обладала какой-то властью над ним и над кем-либо еще. Как будто она, Ройя Арчер, могла сжечь этот пансионат своим присутствием, взорвать его тем, что явилась сюда.

– Все в порядке, – сказала она. Она научилась так говорить у американцев. *Все в порядке, все хорошо, все окей, оки-доки.* Немудреные американизмы. Она владела ситуацией. Ее сердце тревожно стучало, но она спокойно взглянула на Клэр.

Та наклонила голову, повернулась и наконец-то вышла. Удалявшееся цоканье ее каблучков перекликалось с громким стуком сердца Ройи.

Она все еще могла повернуться и уйти следом за Клэр, сбежать из этого неприятно пахнущего места, отыскать Уолтера, прежде чем он закончит ланч, уехать домой, лечь в постель и сделать вид, что никогда не совершала этой странной ошибки. Еще не поздно. Она представила себе, как Уолтер одиноко сидит, сторбившись, над кружкой имбирного пива и роллом из лобстера – бедный... Но нет. Она приехала сюда, чтобы наконец все выяснить.

Ее ноги отяжелели и словно приросли к полу. Но она заставила себя пройти несколько шагов к окну, к инвалидному креслу. Ее каблучки не стучали, на ногах были удобные серые туфли на толстой подошве. Уолтер настаивал, чтобы она надела теплые эскимосские сапожки, но она отказалась. Она была готова смириться с чем угодно, но впервые за шестьдесят лет встретиться со старой любовью в матерчатых сапогах на меху она никак не могла.

Мужчина, казалось, не замечал ее присутствия.

– Я ждал, – внезапно проговорил голос на фарси, и сердце Ройи забилося еще сильнее. Этот голос очаровывал и успокаивал ее когда-то давно, когда они были неразлучными.

Неожиданно Новая Англия растаяла вместе с ее морозом и невыносимой жарой в пансионате.

...Это было в 1953 году. Летом. Ей исполнилось семнадцать. Они стояли с Бахманом возле баррикад и кричали во всю глотку. Толпа прибывала, солнце жгло голову, две длинных косы падали ей на грудь, круглый воротничок блузки намок от пота. Собравшиеся вокруг люди размахивали кулаками и орали. Воздух был буквально пропитан нетерпеливым ожиданием перемен, уверенностью в том, что скоро наступят новые, хорошие времена. Ройя тоже была уверена, что скоро станет жить вместе с любимым в свободном, демократическом Иране, что у них все впереди. Будущее принадлежало им, судьба им благоволила, страна ждала больших изменений. Ройя любила Бахмана невероятно сильно и не мыслила будущего, в котором не слышала бы каждый день его голос.

Ройя увидела на линолеуме свои ноги и внезапно не узнала их – серые старушечьи туфли на толстой подошве и с крошечными бантиками.

Мужчина развернул инвалидное кресло, и на его лице вспыхнула улыбка. Он выглядел усталым – губы сухие, на лбу глубокие морщины. Но в глазах сияли радость и надежда.

– Я ждал, – повторил он.

Неужели возможно так легко вернуться в прошлое? Его голос был прежним. Это был он – глаза, голос. Ее Бахман.

Но потом она вспомнила, зачем приехала.

– Я вижу. – Ее голос прозвучал гораздо громче, чем она ожидала. – Но я только хотела спросить у тебя: почему ты не ждал меня в тот раз?

Она села рядом с ним на пластиковый стул, внезапно почувствовав страшную усталость. Ей было семьдесят семь лет. Но когда она вспомнила то жестокое, развеявшее все иллюзии лето, от которого она так никогда и не оправилась, то снова почувствовала себя семнадцатилетней.

2. 1953. Парень, который хотел изменить мир

– Мне бы хотелось, – сказал за завтраком Баба, когда они ели свежую пшеничную лепешку *наан* с сыром фета и кисловатым домашним джемом из вишни, – чтобы вы, мои дочки, стали новыми мадам Кюри. Мне бы очень хотелось. Или даже писательницами, – он улыбнулся Ройе, – как та американка: Элен? Келлер?

– Я не глухая, Баба, – сказала Ройя.

– Она не слепая, Баба, – добавила Зари.

– Какое это имеет значение? – Маман кивнула дочкам, чтобы они ели быстрее.

– Чтобы стать такой, как Элен Келлер, надо быть глухой и слепой, – важным тоном сказала Зари, гордая тем, что знает американских героинь.

– А еще немой. Не забудь об этом, – добавила Ройя с набитым ртом.

– Я имел в виду не это. – Баба поставил на стол стакан с чаем. – Я имел в виду гениальность. То, что она написала одиннадцать книг. Вот я о чем говорил.

Судьба подарила Маман и Баба лишь двоих детей, и при этом девочек. Для своего времени Баба был замечательно, необычайно прогрессивным человеком: он хотел, чтобы его дочки получили образование и добились успеха в жизни. Образование стало его религией, а демократия – мечтой.

В старших классах Ройя и Зари стремились получить самые лучшие знания, какие были доступны иранским девочкам в 1953 году. Страна стремительно менялась, открывалась миру. У них прошли демократические выборы, премьер-министром стал Мохаммед Мосаддык¹. У них был правитель, шах, продолжавший курс своего отца Реза-шаха² на расширение прав женщин.

– Шах уж точно служит проклятым англичанам, отдавая им нашу нефть! – всегда возмущался Баба. – Но зато помогает женщинам в их правах, в этом ему не откажешь.

Родители с их прогрессивными взглядами часто слышали слова осуждения и гнева от более консервативных родственников. Тетки сердито шептали на кухне Маман: почему она и ее муж позволяют дочкам-подросткам всюду ходить по городу одним? Маман научилась их ловко высмеивать. Она сняла хиджаб, когда Реза-шах в 1930-е годы призвал женщин не закрывать лиц. Она приветствовала реформы по эмансипации женщин, хотя ее более религиозно настроенные родственницы недовольно хмурились, глядя на моду и манеры *фарангов* – европейцев.

Маман и Баба отправили дочек в лучшую женскую школу Тегерана. Каждое утро, когда Маман заваривала чай, Ройя и Зари собирались на учебу. Ройя просто умывалась и заплетала свои густые темные волосы в две длинные косы, а вот Зари, которая была младше сестры на полтора года, слегка подкрашивала губы и горделиво поправляла волны на волосах, для чего накручивала их на ночь на газетные жгутики.

Пока младшая сестренка прихорашивалась, Ройя глядела на себя в зеркало. За последний год она сильно изменилась. Ее лицо утратило детскую округлость, скулы выделились, кожа очистилась от прыщиков. Длинные черные волосы были волнистыми от природы, и Зари советовала ей не заплетать их, чтобы они свободно падали ей на плечи. Но Ройя все равно заплетала косы. Так она ощущала себя прежней, несмотря на произошедшие в ней перемены. Она все еще оставалась миниатюрной, но у нее выросла грудь, а фигура все-таки немного округлилась, оформилась, как любила говорить сестренка.

¹ Мохаммед Мосаддык (1882–1967) – демократически избранный премьер-министр Ирана с 1951 по 1953 г., пытавшийся проводить прогрессивные реформы, включая национализацию нефтегазового сектора. Был свергнут в результате переворота, организованного спецслужбами США и Великобритании (операция «Аякс»). – *Прим. ред.*

² Реза-шах Пехлеви (1877–1944) – государственный деятель Ирана, основатель династии Пехлеви, правившей страной с 1925 по 1979 г. – *Прим. ред.*

Зари отпихнула ее и сама встала перед зеркалом. Надула губки и поправила волосы.
– С такой прической я похожа на Софи Лорен. Правда?

Конечно, Ройя согласилась с ней. А что ей оставалось? Она застегнула легкую блузку с длинными рукавами, надела на себя форму из ткани *ормак* и натянула ужасные гольфы до колена. Ей, конечно, хотелось носить короткие, до щиколотки, «американские» носки, как их называли девочки, но директриса за это наказывала. Ройе не хватало храбрости войти в школу с гордо поднятой головой и в коротеньких носках.

– На него вся надежда! – заявил Баба и сунул в рот хлеб с фетой. – Премьер-министр Мосаддык национализировал нашу нефть, чтобы мы могли избавиться от удавки АИНК. – АИНК, Англо-Иранская нефтяная компания, была предметом его ненависти. – Впервые за десятки лет иранцы сами контролируют свои природные ресурсы, отобрав это право у империалистов. Наш премьер-министр – единственный, кто может им противостоять. Скоро у нас будет демократическая страна, и Мосаддык приведет Иран к этому. И если вы, доченьки, будете старательно учить историю, химию и математику, то войдете в ряды лучших профессионалов, каких знала наша великая страна. Вы понимаете? Видите, какие возможности открылись теперь перед молодыми девушками? Что могу сделать я, правительственный чиновник? Перебирать бумаги? Сидеть и пить чай? – Он с удовольствием глотнул чаю. – А вы, мои дочки, вы пойдете дальше, чем могли мечтать мы с вашей матерью! Разве не так, Манидже?

– Хоть одно утро! – сказала Маман. – Неужели мы не можем провести хоть одно утро без лекций? Просто позавтракать?

Баба обиженно вскинул брови, но остановился не сразу.

– Моя Мари Кюри! – Он кивнул на Зари. – Моя Элен Келлер! – Он подмигнул Ройе.

Девочки прекрасно понимали, что надежды их отца слегка преувеличены. Семнадцатилетняя Ройя старалась оправдать его ожидания, но на самом деле ей больше всего хотелось читать переводные романы Хемингуэя и Достоевского. Или стихи соотечественников, великих персидских поэтов Руми, Хафиза или Саади. А еще Ройя любила готовить, стоя рядом с Маман и следуя рецептам лучших рагу *хореш*.

Да и ее младшая сестренка не очень-то стремилась стать в будущем мадам Кюри. Зари безумно влюбилась в мальчика по имени Юсоф. Она мечтала о богатом муже, хотела танцевать танго и кружиться в вальсе. Ей хотелось заплатить пять *томанов* за билет на популярный детский праздник, отплясывать самбу и поразить всех своей ловкостью и грацией. Вечерами, ложась спать, Зари подробно рассказывала сестре о своих мечтах.

– Ну, ступайте в школу! – Маман поцеловала дочек и стала убирать со стола.

Зари помахала рукой отцу, шутливо изобразив на лице преданность его идеалам. Баба медленно и серьезно, без улыбки, кивнул ей в ответ.

Зари взглянула на Ройю с мимолетной гримаской, заметной только сестрам.

У порога Ройя и Зари обулись. Хотя они учились уже в старших классах школы, им все равно полагалось носить черные кожаные туфли совершенно детского фасона. Но ничего не поделаешь, такова школьная форма. Ройя туго натянула ремешок и застегнула пряжку.

Девочки вышли из *андаруни*, внутренней части дома, прошли по коридору и сбежали по ступенькам, ведущим в сад. Когда они проходили мимо прудика, облицованного бирюзовой плиткой, Ройя позавидовала плававшим там рыбкам. Ведь им не надо было становиться самыми успешными в истории Ирана профессионалами, которыми будет гордиться вся страна.

Ройя закрыла калитку, и сестры вышли по переулку на главную улицу. Там они остановились, прижимая к груди учебники.

В такой ранний час протестующих еще не было видно, но повсюду остался мусор от предыдущей демонстрации. Валялись портреты премьер-министра Мосаддыка – мужчины с орлиным носом и умными усталыми глазами. Ройе больно было смотреть, как люди наступали прямо на его лицо. Она подняла несколько фотографий и аккуратно сложила их.

– Ой, ты думаешь, что можешь спасти его? – спросила Зари. – Сегодня вечером будет демонстрация коммунистов. После них сюда придут сторонники шаха. Премьер-министра ты все равно не спасешь. У него много врагов, и они хотят, чтобы он ушел со своего поста.

– У него тысячи, миллионы сторонников! Мы поддерживаем его! – воскликнула Ройя.

– У людей слишком мало возможностей, и тебе это известно. В стране процветает коррупция и прокручиваются всякие махинации.

Они торопливо шли в школу. Ройя еще крепче прижимала к груди книжки и портреты Мосаддыка. Конечно, Зари права. На прошлой неделе в школе срочно собрали всех учеников в актовом зале. На сцену вышла директриса и, уперев руки в бока, потребовала от учащихся признаться, кто приносит в школу коммунистические листовки. Не признался никто. Ройя знала, что это делала Залех Табатабаи – приносила листовки, напечатанные на пергаментной бумаге, и разбрасывала в классах и коридорах. Ройя удивлялась, откуда у Залех эти листовки; как она вообще осмеливалась брать их в руки!

Потом собрание закончилось и прибыла полиция с мегафоном, оружием и водопроводным шлангом. Аббас, школьный сторож, помог коренастому полицейскому присоединить шланг к крану во дворе. Когда Залех вышла из школы, полицейский включил воду и направил струю на девушку. На лице Залех появилось удивление, но его быстро сменили решительность и воля. Она подпрыгнула, спасаясь от шипящей водяной змеи, но все равно приземлилась на струю. Через несколько секунд Залех промокла насквозь, школьная форма прилипла к телу, подчеркивая его изгибы, с волос текла вода.

– Это тебе урок, – сказал один из полицейских. – Будешь знать, как не уважать нашу страну, распространяя коммунистическое вранье. Не думай, постепенно мы найдем вас всех. Вы предатели, работаете на Россию. Ты – девочка и должна думать о том, как стать хорошей матерью, а не политической ослицей.

Директриса зааплодировала ему.

Монархически настроенные девочки, преданные шаху, тоже ликовали и аплодировали, собравшись стайкой во дворе. Некоторые были из богатых семей, их отцы трудились в нефтянке. Вместе с ними аплодировали несколько глубоко религиозных школьников. Впервые за долгое время семьи мусульман-фундаменталистов и приверженцы шаха стали союзниками.

Сочувствовавшие коммунистам девочки подбежали к Залех и обняли ее, как только со двора ушли полиция и директриса. Они обтирали ее носовыми платочками, подолами формы, кофтами. Залех, хоть и мокрая, стояла, горделиво выпрямившись, и уговаривала подружек не волноваться. Даже смеялась. Ройя понимала, что теперь Залех станет распространять еще больше листовок. Такими были школьницы, поддерживающие Иранскую коммунистическую партию «Туде», – бесстрашные и решительные, они всегда считали, что Иран должен идти по пути Советского Союза.

Ройя с Зари и другие сторонники премьер-министра, потрясенные и испуганные, тоже держались вместе. Если Ройю спрашивали, за кого она, она отвечала: «За премьер-министра Мосаддыка и Национальный фронт». Другой ответ огорчил бы отца. Премьер-министр мог бы привести страну к полной демократии. Он учился в Швейцарии, стал министром иностранных дел и обратился в ООН, заявив, что британская Англо-Иранская нефтяная компания должна вернуть Ирану право на владение собственной нефтью. Ройе нравился Мосаддык с его независимостью и уверенностью в себе. Она даже восхищалась его пижамами (в которых он иногда фотографировался).

Теперь Ройя шла в школу вместе с сестрой, вспоминала инцидент с Залех и водопроводным шлангом, и ей хотелось, чтобы наконец-то прекратились постоянное политическое соперничество и раскол в обществе. Политика проникла в каждый класс. Девочки в школе, как и вся страна, разделились на монархисток, сторонниц премьер-министра и коммунисток. И Ройя устала от всего этого.

Когда Ройя и Зари подошли к воротам школы, там стоял строгий Аббас. Он следил, чтобы на территорию не заходили посторонние, охранял порядок и безопасность девочек в школе. В его обязанности не входило расстегивать иногда ширинку и показывать свой пенис, аккуратно перевязанный розовой ленточкой. Но все знали за ним такую слабость.

Зари насторожилась, увидев, как Аббас открыл ворота и улыбнулся им. Когда они прошли мимо него и он не мог их слышать, она прошептала:

– На прошлой неделе он опять показал мне свой *дудул*.

– Что, и с ленточкой? – спросила Ройя.

– Как всегда. И как только мужчины ходят с такой болтающейся штукой?

– Наверно, это больно.

– Он такой большой. Я удивляюсь, что у них нет там постоянного воспаления.

– Ну, ты видела только у сторожа.

– Да. – Зари, казалось, с минуту обдумывала эту фразу.

– Ты сообщила об этом директорисе?

– Она заявила, что некрасиво лгать такой девочке, как я. Что Аббас работал в школе, когда я еще даже не родилась, и что стыдно придумывать такие вульгарные истории.

– Понятно. Это ее обычная реакция.

– Угу. – Зари вздохнула.

* * *

Мальчишки без труда находили дорогу к женской школе и болтались у ворот, ждали, когда у девочек закончатся уроки. Аббас орал на них и гнал прочь.

– Собачьи дети! – орал он. – Оставьте девочек в покое, или гореть вам в аду!

Рой игнорировала ребят, которые тащились за ними до самого дома, а вот Зари всегда старалась, чтобы самые симпатичные увидели ее густые темные волосы, особенно если неподалеку был и Юсоф. Иногда мальчишки появлялись на каждом углу, за каждым поворотом. Ловкие, хитрые, умные мальчишки; они подмигивали, свистели и флиртовали. Красивые, воспитанные, с обаятельными улыбками. Тихие и робкие, которые бросали украдкой взгляд и тут же краснели. Ройя привыкла к ним, как к назойливым мухам, к которым на самом деле невозможно привыкнуть.

Самым любимым местом в Тегеране Ройя считала магазин канцтоваров. Он находился на углу улицы Черчилля и авеню Хафиза. Напротив русского посольства и наискосок от школы.

Ройя любила водить пальцами по гладким листам бумаги. Ей нравились пахнущие свинцом карандаши в коробках. Она могла подолгу разглядывать авторучки и флаконы чернил, листать книги, рассказывающие о любви и разлуке, томики поэзии. Магазин назывался просто, без затей, – «Канцелярские товары», но в нем продавались еще и книги. Когда зимой усилились политические противоречия, на улицах вспыхивали яростные дебаты, проходили демонстрации, магазин канцтоваров оказался самым тихим местом в городе. Это был настоящий храм спокойствия с негромкими звуками и приглушенным светом.

В один особенно неудобный, ветреный январский день Ройя хотела укрыться от демонстрации коммунистов и нырнула в магазин канцтоваров. Ей хотелось почитать что-нибудь из персидской поэзии.

– Что, сегодня Руми? – спросил из-за прилавка господин Фахри, спокойный, добрый мужчина лет пятидесяти, с проседью в шевелюре, пушистыми усами и в круглых очках с тонкой металлической оправой. Его туфли всегда были начищены до блеска. Он владел этим магазином, сколько Роя себя помнила, и прекрасно разбирался в книгах. В магазине были полки с персидской классикой и поэзией, а также с переводной литературой стран мира.

– Да, будьте любезны. – Ройя бывала здесь так часто, что господин Фахри знал ее вкусы и предпочтения. Он знал, что Ройя любила древнюю персидскую поэзию, но не могла терпеть кое-какие современные рассказы. Он знал, что она готова потратить последние деньги на бумагу и что она предпочитала немецкие канцтовары, самые красочные и современные. Знал, что она не только знала каждое слово в старинных стихотворениях, но иногда и сама что-то царапала на купленной у него бумаге. Господин Фахри знал все это, и его добродушное спокойствие привлекало ее не меньше книг, карандашей и бумаги.

– Вот, пожалуйста. – Он предложил ей томик стихотворений Руми в темно-зеленом переплете с золотым тиснением, напечатанный на прекрасной белой бумаге. – Тут некоторые из его лучших творений. Найдите себе спокойный уголок и читайте, ни на что не отвлекаясь. Если вы хотите понять его творчество, необходимо сосредоточиться.

Ройя кивнула и полезла за кошельком, но тут зазвенел дверной колокольчик. Дверь распахнулась, в магазин вместе с порывом ветра ворвались крики с улицы. В руке у Ройи затрепетали страницы Руми. В дверь торопливо вошел мальчишка, ее ровесник, в белой рубашке, с гривой черных волос и покрасневшими от ветра щеками. Он насвистывал какую-то мелодию, полную грусти. Мелодия не походила ни на что слышанное ею ранее и никак не сочеталась с походкой и уверенным видом мальчика.

Господин Фахри вскочил и засуетился. Нырнул под прилавок, схватил пачку бумаг, перевязал их бечевкой и протянул вошедшему так, словно весь день ждал этого особенного посетителя. Тот перестал свистеть, порывшись в карманах и заплатил. Все было сделано быстро и молча. Парень уже подошел к двери, когда вдруг оглянулся. Ройя думала, что он хотел поблагодарить господина Фахри. Но он смотрел прямо на нее, и в его взгляде светились радость и надежда.

– Я счастлив, что встретил вас, – сказал он и вышел на улицу, продуваемую ветром.

Господин Фахри и Ройя стояли молча, а в магазин возвращалось обычное спокойствие после появления мальчишки, словно они летели на воздушном шаре, наполненном горячим воздухом, и наконец совершили посадку.

– Кто это был? – спросила Ройя. Она испытывала какой-то непонятный восторг и не понимала его причины. Краткое появление парня подействовало на нее словно удар молнии.

– Это, моя дорогая девочка, Бахман Аслан, – сказал господин Фахри. На его лице появилась озабоченность, и он забарабанил пальцами по прилавку. – Парень, который хочет изменить мир.

Ройя аккуратно убрала томик Руми в портфель и взглянула на дверь. Она была поражена, словно увидела что-то необычайное, удивительное, но при этом глубоко личное, затронувшее ее жизнь, заронившее в ней надежду. Словно в тумане, она попрощалась с господином Фахри.

* * *

Потом она долго высматривала его на улице. Сопливый Хоссейн плелся за сестрами по пятам, и это ужасно раздражало. Нахальный и горластый Кирус подскакивал и открывал двери перед ней и Зари. Юсоф украдкой поглядывал на Зари, когда они перешли улицу, а потом делал вид, будто смотрит на уличный фонарь. Везде, куда бы они ни пошли, на улицах было полно мальчишек. Но одного парня она так и не увидела – того, кто ворвался в магазин канцтоваров и заставил мир двигаться чуть быстрее, проворнее, энергичнее – пусть даже всего на несколько минут.

Каждый день Ройя ходила в школу вместе с сестрой, ела приготовленное матерью рагу *хореш* и слушала, как Баба рассказывал им о планах премьер-министра Мосаддыка. Он хотел сделать их страну независимой от иностранного влияния раз и навсегда, чтобы больше никто не мог снова красть их нефть. Независимой и демократической!

Ройя учила геометрию, царапала какие-то стишки и улыбалась, когда отец в который раз называл ее будущей мадам Кюри. Да-да, она станет ею, а не второй Элен Келлер. Но она нигде не видела того парня с веселыми глазами, того самого, кто заставил господина Фахри достать ему из-за прилавка пачку бумаг с такой поспешностью, словно он вручал оружие воину.

* * *

На следующей неделе Ройя взяла в магазине металлическую точилку для карандашей и провела пальцем по крошечным бугоркам на ее боках. И снова ветер пошевелил листы бумаги, когда стремительно открылась дверь и вошел тот парень.

На этот раз он сразу перестал свистеть, как только увидел ее. И казался он не таким уверенным в себе, даже немного робким.

– Руми, – сказал он господину Фахри, но тут же бросил на нее быстрый взгляд. Его темная шевелюра была старательно зачесана набок. Белая рубашка выглажена. Глаза сверкали, и он вежливо улыбался.

С таким же проворством и желанием угодить господин Фахри достал с полки такую же книжку, какую неделю назад дал Ройе. Кашлянул.

– Вот, пожалуйста, Бахман-джан.

На этот раз Бахман поблагодарил господина Фахри, слегка поклонился Ройе и вышел на улицу.

– Почему он всегда так торопится? Куда он идет? Что у него за важные дела? – спросила она однажды, набравшись храбрости. Хотела показать господину Фахри, что этот парень не произвел на нее особого впечатления.

– Я уже говорил вам, Ройя-ханум. Парень хочет изменить мир. В таком деле нужна спешка. – Господин Фахри взял тряпку и протер прилавок. – Нужна осмотрительность. – Он замер с тряпкой в руке. – Нужна... – он многозначительно посмотрел на нее, – крайняя осторожность.

Ройя хмыкнула и положила точилку на место. Выпрямилась.

– Я не знаю, как он намерен изменить мир, – сказала она. – Он слишком быстро двигается. Он не очень вежлив. Он свистит без причины! Он не сказал вам ни слова, когда явился сюда в прошлый вторник. Он ведет себя как важная персона. У него странная прическа. Уж и не знаю, как такой парень может изменить мир.

– Крайняя... – господин Фахри положил руки на прилавок и наклонился к Ройе, – ... осторожность.

* * *

Это было предостережение. Ройя еще несколько раз видела Бахмана в «Канцтоварах» – каждый раз он приходил туда по вторникам, словно знал, что увидит ее там. Каждый раз Ройя разглядывала книги или новые канцтовары и смотрела куда угодно, только не на него. Но каждый раз, конечно, все равно украдкой бросала на него взгляды. В пятый вторник она все-таки не выдержала.

Она сделала вид, будто хотела задать какой-то вопрос о поэзии, и адресовала его господину Фахри. Тот почему-то не отозвался, а вместо него ответил парень, который хотел изменить мир.

– Огонь, – сказал он в ответ на ее вопрос о том, какое слово следует дальше в строфе Саади, которую она только что процитировала.

Ее лицо вспыхнуло.

– Огонь, – повторил парень.

Конечно, он был прав, назвав именно это слово. Он заявил это с такой уверенностью, что Ройя надеялась, что он ошибся, но в то же время захотела сесть рядом с ним и часами говорить обо всем на свете. Но пора было уходить: ее ждала сестра.

Зари стояла на другой стороне улицы и злилась, когда Ройя подошла к ней. Она пожаловалась, что оглохла, слушая выступавших политиков, пока сестра торчала над карандашами и книгами в этой несчастной лавке. Она заявила, что ей надо пойти домой и лечь в постель с горячей бутылочкой, потому что у нее страшно заболел низ живота из-за менструации, а еще она умирает от голода. И что вообще Ройе пора бы научиться уважать чужое время, хотя бы для разнообразия. Ройя слушала ворчание сестры всю дорогу до дома. Но все равно глядела по сторонам и гадала, увидит ли когда-нибудь того парня где-то еще, а не в магазине канцтоваров.

2013

Ройя прижалась лбом к стеклу и смотрела на проплывавшие мимо промороженные ландшафты Новой Англии.

Она хотела поговорить с Уолтером, сказать, как приятно им будет пообедать вместе. Она поджарит рыбные палочки, его любимые. Ей хотелось забыть свой визит в пансионат. Она не собиралась ворошить давнее прошлое. Но слова из того письма врезались в ее память шестьдесят лет назад, и она не могла их забыть.

Я обещаю тебе, любовь моя. Давай встретимся на площади Сепак в ее центре... в среду... в 12 часов. Или чуть позже, если я задержусь. Жди меня там, и мы с тобой будем вместе навсегда. Радость видеть тебя поможет мне прожить эти несколько дней.

– Ох, Уолтер, – проговорила она, снова прижалась лбом к окну и зарыдала.

3. 1953. Любовь: как она ловит в свои сети

Взгляни на любовь,
Как она ловит в свои сети
Горячие сердца.

Взгляни на дух,
Как он сливается с землей,
Давая ей новую жизнь.

Ройя перечитывала стихотворение Руми и ждала Бахмана. С того дня, когда он впервые увидел ее в магазине, он не пропустил ни одного вторника. Та зима вообще была полна восторга, ожидания, разговоров. *«Когда ты влюбилась, сестра? Скажи мне. Ты влюбилась в него, когда он процитировал слово из того стихотворения, да?»*

«Конечно нет», – ответила Ройя сестре. Дело не в одном слове, не в одном мгновении. Такое бывает только в американских фильмах, разве не понятно?

Ройе хотелось забыть обо всем, хотелось тепла и уюта. Все это она находила в магазине канцтоваров с его книгами. Потом там появился Бахман. Но если бы ей потребовалось назвать день, когда она влюбилась окончательно и бесповоротно, то она сказала бы про седьмой вторник. В тот день стало понятно, что зима с ее холодами, морозом и серым небом уже позади, что впереди зеленая листва, цветы и новая жизнь. Вся страна готовилась праздновать первый день весны – персидский Новый год.

В тот вторник господин Фахри выглядел особенно оживленным и энергичным; он помогал матерям покупать детям новогодние подарки, заворачивал карандаши, звонил своим покупателям и сердечно желал им радости и долгих лет жизни.

– Я хочу купить подарок сыну, – проворковала очередная покупательница. – Он хорошо учится и любит читать. – Гордость на ее лице вызвала у Бахмана улыбку, и Ройя заметила ее. Еще один мужчина купил цветные карандаши, и господин Фахри сложил их в букет, как цветы, и перевязал зеленой ленточкой. Но больше всего, конечно, люди покупали поэзию – как всегда, любовь к персидской поэзии была безграничной. Когда в магазин нахлынула новая волна покупателей, Ройя и Бахман разошлись в разные стороны. Он стал рассматривать политические брошюры на стенде, она листала в глубине зала переводные романы.

Потом толпа рассеялась так же быстро, как и появилась. Книги были куплены, подарки выбраны, советы выслушаны. Все ушли, остались лишь Ройя и Бахман; казалось, они были поглощены собственными занятиями, но, конечно, оба ощущали присутствие друг друга. Господин Фахри захлопнул с громким стуком свой кассовый аппарат.

– Удивительно, как много стали люди покупать к Новрузу. Неужели у всех детей в этом городе хорошие оценки, раз они заслужили такую кучу подарков к Новому году?

Ройя и Бахман молчали, каждый в своем углу магазина.

– Вот что! – Господин Фахри обвел взглядом магазин, словно обращался к огромной аудитории. – Я не могу жаловаться, сегодня моя торговля шла замечательно, но теперь я должен отнести в банк выручку.

Ни Ройя, ни Бахман не пошевелились.

– Раз я уйду, мне придется закрыть магазин.

– Я побуду здесь, – спокойно заявил Бахман.

– Что?

– Я могу остаться здесь. Если придут покупатели, я скажу им, что вы скоро вернетесь.

– О. – Господин Фахри поглядел на Бахмана, потом, неуверенно, на Ройю.

Ройя поняла его замешательство и просто окаменела при мысли о том, что останется наедине с Бахманом. Конечно же, это неприлично.

– Мне пора домой. Всего вам хорошего, господин Фахри!

– Ну, раз вы уходите... да, Ройя-ханум, хорошего вам дня! – с облегчением отозвался господин Фахри и снова посмотрел на часы. – Банк скоро закроется. У меня мало времени. Спасибо, Бахман-джан. Я ловлю вас на слове. – Мистер Фахри схватил пальто и со строгим видом повернулся к Ройе: – До свидания, Ройя-ханум. Идите домой. Пока не стемнело. – Он надел на голову черную шапочку. – Бахман-джан, я скоро вернусь. – Он торопливо вышел, и Ройя направилась следом за ним.

– Останься!

Голос Бахмана звучал ясно и уверенно.

– До свидания.

Она замерла в дверях. Господин Фахри скрылся за поворотом.

– Пожалуйста, останься. – Теперь его голос звучал не так уверенно.

Она повернулась, чтобы объяснить ему, почему она не может остаться. Но когда увидела его лицо, у нее перехватило дыхание. Бахман нервничал. У него горели щеки, но в глазах светилась нежность.

Ей нужно было идти домой, там много дел. Маман и Зари убирали дом к Новому году, им нужно помочь – вытирать пыль, выбивать ковры, мыть с уксусом стекла. Ох уж эта весенняя уборка! Нет, она никак не могла остаться тут наедине с этим парнем.

Но она уже осталась наедине с ним. Она была с ним здесь, и внезапно в этом хранилище покоя забрезжила возможность переменить абсолютно все.

– Какая у тебя самая любимая книга? – быстро спросил он.

– У меня такой нет.

– О, но ведь... мне показалось, что ты любишь читать.

– Да, люблю. Я имела в виду, что у меня она не одна. Их очень много.

Он усмехнулся, и его лицо, все еще красное, немного расслабилось.

– Господин Фахри сказал мне, что ты хочешь изменить мир. – Ей казалось, будто она прыгает с обрыва, и удивлялась тому, что еще в состоянии передвигать ноги. Ройя направилась к Бахману и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Он стоял перед ней с пылающим лицом, темной густой шевелюрой и в штанах цвета хаки.

– Я ничего не знаю об этом. – Бахман опустил голову и посмотрел себе под ноги.

– Но ведь ты занимаешься политикой, разве не так?

– Разве в этой стране найдется хоть один человек, стоящий в стороне от политики? – удивленно возразил он.

– Это я, – солгала она.

– Тебе надо интересоваться политикой. Особенно теперь.

– Понимаешь, мне она не нравится. Все эти споры. Демонстрации...

– Это все, что у нас есть. Мы должны участвовать в этом. Нельзя допустить, чтобы свергли премьер-министра Мосаддыка.

– Ты веришь слухам? Его хотят сместить?

– Да, меня они беспокоят. Это могут сделать иностранные державы или наши соотечественники. Предатели живут среди нас, это нарастает... – Он замолк. – Ладно, не хочу надоедать тебе этим.

– Я привыкла к таким разговорам. Мой Баба говорит почти то же самое.

– Правда? – Бахман улыбнулся.

– О да. Я получаю свою порцию рассуждений.

Он больше ничего не говорил, а просто смотрел ей в глаза. Они стояли лицом друг к другу. Она слегка нервничала от его взгляда, но все же трепетала от восторга. Они могли не касаться друг друга, это им было совсем не обязательно.

– Я знаю, что ты любишь читать. Ты любишь поэзию и романы, – тихо сказал он.

– Откуда ты знаешь?

– Каждый вторник я вижу тебя. Ты любишь тот уголок. – Он кивнул туда, где у господина Фахри стояли на полках зарубежные романы.

– Ой, ты приходил сюда каждый вторник? Я не замечала!

Он рассмеялся. И когда он это сделал, его лицо окончательно успокоилось. В его глазах сверкал смех, они наполнились поразительной, захватывающей дух добротой.

– Я приходил сюда и в другие дни. Тебя тут не было. Ты появлялась лишь по вторникам.

– Это единственный день, когда я могу здесь бывать, – пояснила она.

– Чем ты занимаешься в остальное время?

– Учусь.

– Правда?

– Да. – Она серьезно посмотрела на него. – Мой отец хочет, чтобы я занималась наукой. Или писала книги... как Элен Келлер. – Конец фразы она пробормотала еле слышно.

– А ты?

– Что я?

– Чего ты хочешь сама?

Вопрос казался нелепым. Ройя даже не могла сказать, спрашивал ли кто-нибудь ее об этом. Не достаточно ли того, что у нее такой прогрессивный отец и он так заботится о своей дочери? Произведет ли это впечатление на такого политического активиста, как этот парень?

– Мои родители хотят, чтобы я окончила школу, поступила в университет и потом занималась наукой.

– А что бы ты выбрала сама, если бы могла делать то, что хочешь?

Ее ошеломила дерзость вопроса.

– Я бы... я бы послушалась отца. Моя мама...

Он шагнул к ней. От смеси аромата мускуса и свежего ветра у нее закружилась голова. Тогда он взял ее за руку. Для нее это было новое ощущение. Он нежно сжал ее пальцы, и у нее учащенно забилося сердце. Его прикосновение поразило ее, но при этом, как ни странно, успокоило.

– Ты любишь романы. Я видел.

– И что?

– Так и читай их. Сколько хочешь.

Сколько раз Маман говорила Ройе, что у нее покраснеют глаза, если она будет читать слишком много? Сколько раз Зари выбрасывала ее книжки и ругалась, что она еще не встречала таких дурочек, как Ройя, которые постоянно сидят, уткнувшись носом в книгу, и что она испортит из-за этого себе осанку? Сколько раз Баба твердил ей, как важно в этой жизни получить серьезную профессию, а если ты не можешь заниматься наукой и читаешь вместо этого романы, тогда уж лучше не читай их, а пиши, как эта самая Элен Келлер.

– Разве что ты и вправду хочешь пойти в науку или стать писательницей. Тогда, конечно, делай что хочешь.

Тревожное ощущение внутреннего несогласия, постоянно терзавшее ее в школе и дома, немного утихло. Ей захотелось побольше услышать таких слов, поговорить с Бахманом, не отпуская его.

Звякнул колокольчик, и в магазин вбежал запыхавшийся господин Фахри в сбившейся набок шапочке. Он увидел их, и его лицо вспыхнуло. Он опустил глаза и кашлянул. Они уронили руки, словно обожглись, словно оба держались за огненный шар. Ей показалось, будто ее

застигли за чем-то постыдным, за кражей. Но хотя она уронила руки и глядела на носки туфель, а потом пробормотала «Мне надо идти» и выскочила на улицу, она все равно знала, что будет приходить сюда вновь и вновь, целую вечность, что бы там ни думали господин Фахри или кто-нибудь еще. То, что случилось, случилось бесповоротно, и Ройя не хотела ничего менять.

4. 1953. Удар цепью

Они продолжали встречаться в пыльном и прохладном пространстве магазина среди книг, авторучек, карандашей и пузырьков с чернилами. Другие, ненужные мальчишки появлялись на каждом углу, но того, кто действительно притягивал к себе Ройю, она видела лишь по вторникам в «Канцтоварах». Он задавал ей самые разные вопросы, например что она думает о поэме Саади «Гулистан». Ройя удивилась своему солидному ответу. Ее голос прозвучал увереннее и громче, чем она думала. Вскоре (потому что Ройе было почти семнадцать, она жила в Иране и мечтала о великом) она уже была убеждена, что он самый умный парень из всех, кого она знала, и, пожалуй, самый красивый.

Он активно занимался политикой, поддерживал Мосаддыка и распространял листовки и статьи в Тегеранском университете и в старших классах школ. Он развозил по городу газеты и листовки Национального фронта. Где он их брал? У господина Фахри. В подсобке за прилавком у господина Фахри была обширная коллекция и более опасных политических материалов. Ройя запаниковала, когда Бахман рассказал ей об этом. Она вспомнила день, когда в школу нагрянула полиция и как Залех подпрыгнула, спасаясь от чудовищного напора воды. Как она стояла, промокая до нитки. Полиция могла так же легко выследить Бахмана и обвинить его в распространении клеветнических материалов, подрывающих власть шаха. Его могли арестовать. И подумать только – господин Фахри помогал ему! Ройя никогда не подумала бы, что хозяин магазина мог участвовать в тайной политической борьбе. Она недооценивала спокойного, тихого торговца, вечно стоящего за прилавком.

Но Бахман сказал ей, что волноваться не нужно.

Между тем напряженность между политическими группировками увеличивалась. Нарастал уровень насилия. Демонстрации разгонялись, полиция применяла оружие, несколько человек получили смертельные ранения. Но хотя Ройя боялась за безопасность Бахмана, невозможно было не восхищаться его мужеством. Он всей душой верил в политику премьер-министра, пожалуй, даже с большей страстью, чем отец Ройи. Ситуация в стране менялась, говорил он. Перед Ираном открылось будущее, светлое будущее, и премьер-министр даст им все, что нужно. Вот только некоторые политики стремились помешать реформам Мосаддыка, свергнуть его, и Бахман был полон решимости не позволить им это.

Когда Бахман говорил об этом, Ройя прислонялась спиной к полкам и чувствовала спиной корешки книг – поэзию и политику. Если он слишком долго рассуждал о налогах и торговле, она просто смотрела ему в глаза, но такое случалось редко. Господин Фахри все чаще и чаще уходил под всякими предлогами в подсобку, и Ройя с Бахманом оставались одни. Но тогда сохранялась опасность того, что войдут другие покупатели, да так и бывало – появлялись старики в очках и со списком канцтоваров, которые они намеревались купить, или молодые студенты-коммунисты просили труды Маркса, или сторонники Мосаддыка спрашивали книги по философии и демократии. Некоторые узнавали Бахмана и кивали ему; по их взглядам Ройя видела, что они уважали и ценили его.

Она таяла от страсти, и он шептал ей на ухо слова любви, а когда они оставались одни, прижимался к ней всем телом, ласкал ее. Вскоре для нее не было на свете места желаннее, чем магазин канцтоваров.

* * *

Ройя листала в углу торгового зала переводные романы и ждала. Дверь распахнулась. Появился Бахман. В белой рубашке, штанах цвета хаки, с раскрасневшимися щеками и взъеро-

шенной от ветра шевелюрой, запыхавшийся от быстрой ходьбы. Он обвел взглядом помещение, и когда его глаза остановились на Ройе, лицо расплылось в широкой улыбке.

– Привет, Бахман-джан! – поздоровался из-за прилавка господин Фахри.

– Как вы поживаете, господин Фахри? – спросил Бахман, не отрывая глаз от Ройи.

Господин Фахри застыл, видя, как смотрят друг на друга юноша и девушка. В какой-то момент Ройя даже подумала, что он хотел их отругать. Но потом он вздохнул и сказал, что ему нужно провести инвентаризацию. При этом его голос звучал странно.

– *Читори?* Как дела? – спросил Бахман, употребив на фарси форму глагола, использующуюся для общения с близким человеком, и отбросив формальное «ты».

– Нормально. – Ройя вздохнула и вернула на полку «Анну Каренину». Когда она выпрямилась, Бахман стоял рядом и тут же обнял ее за талию. Она застыла, как статуэтка.

– Пойдем на улицу, – сказал он. Его сильная и властная рука лежала на ее тонкой талии. – Сегодня роскошная погода!

Она что-то пробормотала, возражая из скромности, но позволила ему вывести себя на яркий солнечный свет.

Он был прав. Весна бушевала, город утопал в цветах. Но Ройя беспокоилась, и ей не верилось, что они пойдут вдвоем по улице. Ведь они не помолвлены и не муж и жена; она даже почти ничего не говорила родителям про Бахмана, упомянула только, что познакомилась в магазине канцтоваров с умным парнем из хорошей семьи, страстным сторонником премьер-министра. Она знала, что такая информация произведет на отца впечатление. Конечно, Зари она рассказала больше, подробно описала их первую встречу, упомянув том числе и слово «огонь», которое он назвал, когда она спросила про стихотворение Саади. Зари проявила любопытство, но отнеслась ко всему скептически. Она сказала, что все политически активные парни – сумасшедшие, ей плевать, богата ли его семья, и, на ее взгляд, он идеалист, одержимый премьер-министром; что никто, кроме шаха, не может изменить политическую ситуацию в Иране, а Ройя должна повзрослеть и понять, что если уж она хочет заарканить парня, то надо выбрать самого лучшего. Но все-таки она с любопытством выпрашивала сестру о чувствах.

– Бахман, иди медленнее! – Он шел так стремительно, что ей пришлось бежать почти вприпрыжку, чтобы не отставать от него.

– Ой, извини. Да, конечно. – Он остановился, потом пошел гораздо медленнее, и вскоре они зашагали нога в ногу.

– Все нормально? – спросил он.

– Да, то есть нет... Что я скажу сестре? Родителям?

Казалось, Бахман удивился.

– Скажи им, всем-всем, что ты вышла на прогулку с твоим любимым. – Он сжал ей руку.

Сердце Ройи готово было взорваться от переполнявшей его любви. Ей нравилось, что они держались за руки. Нравились его слова. Любимый... Любимый...

Когда они свернули за угол и вышли на одну из главных площадей, раздались крики.

Там шла очередная демонстрация. Страсти накалились, площадь перегородили баррикадами. Люди скандировали лозунги в поддержку Мосаддыка, мегафон надрывался. Рука Ройи напряглась в пальцах Бахмана, кровь зашумела в ее ушах. Инстинкт подсказывал ей, что нужно бежать подальше от толпы.

– Бахман, пойдем отсюда.

– Неужели тебе не хочется поглядеть, что тут происходит?

– Нет, это опасно.

– Все будет нормально.

– Зари говорит, что полиция отслеживает протестующих, посылает в толпу своих шпионов...

– Не бойся. – Он крепко сжал ее руку и повел не прочь от толпы, а прямо в центр событий. На площади звучали крики «*Я марг я Мосаддык!*» – «Дайте мне Мосаддыка или убейте меня!».

Ройя окончательно испугалась. Неужели сторонники премьер-министра готовы умереть за него? И Бахман тоже?

– Вот как это делается, – прошептал ей на ушко Бахман, когда крики вокруг них все усиливались. – Вот как мы добьемся демократии. Мы не должны сидеть дома и молчать, позволяя шаху и иностранным компаниям взять страну под контроль. Мы заставим их услышать наш голос.

Он тащил Ройю за собой сквозь ряды демонстрантов и пробирался вперед, к баррикадам. Ройя шла и удивлялась тому, сколько людей узнавали Бахмана, уступали ему дорогу. Несколько молодых парней похлопали его по спине, один зрелый мужчина подмигнул ему. Значит, Бахман бывал всюду, раздавая листовки и брошюры? Несмотря на страх, она была полна гордости за любимого. Она видела, как уважали его люди. Они остановились у баррикады, и Бахман своей сильной рукой отгородил Ройю от толпы. Воздух над площадью казался наэлектризованным до предела; демонстрантов объединяло ощущение братства и сознание того, что они борются за правое дело. Ройя никогда не пришла бы в такое место, будь она одна, побоялась бы. Может, Бахман прав. Может, хватит ей бояться, а надо слушать и говорить самой. Возможно ли такое? Ей казалось, что с Бахманом возможно все.

А он там явно находился в родной стихии, весь полон энергии, пылал страстью. Он открыл рот, и она ожидала, что он скажет что-нибудь вроде «Разве это не удивительно?». Она уже угадывала, что он скажет, – подумать только! Как будто настолько хорошо его знала. Но она действительно знала его. Он был восхитительным и непредсказуемым, но все равно... это был он.

– Мы можем добиться всего, – сказал Бахман.

– Но коммунисты против Мосаддыка и могут...

– Я имею в виду тебя. И меня. Весь мир наш.

Стоя рядом с ним в той толпе, она почувствовала, что и вправду будущее становится более безграничным и заманчивым, чем она смела мечтать. Она оперлась на баррикаду и тоже стала кричать лозунги вместе со всеми. Странное дело: она испытывала душевный подъем, ее переполнял восторг, росла уверенность в себе. Она кричала все громче и громче. Солнце жгло ей лицо, ее косы прыгали на груди, когда она размахивала кулаком в воздухе. Ручейки пота бежали по спине, намочили ее круглый воротничок. Она слишком долго пряталась. Зачем? Бахман прав. Все эти люди вокруг нее не казались испуганными. Они все собрались на площади, чтобы протестовать, бороться. Поэтому Мосаддык мог продолжать свои реформы, чтобы Иран добился настоящей свободы. И теперь, когда они с Бахманом стояли возле баррикады, ей все казалось возможным. Они ощущали единство друг с другом и с огромной, охваченной праведным порывом толпой. Они будут бороться. Они *оба* переменят мир.

– Кажется, тебе тут нравится! – сказал Бахман.

Она улыбнулась и продолжала выкрикивать лозунги вместе с демонстрантами.

– Мы не будем тут задерживаться. Мне просто хотелось, чтобы ты увидела все это. Почувствовала эту атмосферу. Я не хочу, чтобы ты боялась демонстраций. Тут нормальные люди. Такие, как мы. Это все, что у нас есть. Понимаешь?

...Звук показался ей похожим на свист сабли. Когда она вспоминала тот эпизод потом, через недели, месяцы и годы, она поняла, что слышала еще, как что-то тихо звякнуло, словно треснувший колокольчик. Внезапно Бахман согнулся пополам и захрипел, пытаясь восстановить дыхание. Она оглянулась. Позади них стояли, ухмыляясь, трое мужчин в черных штанах, белых рубашках и черных шляпах. Тот, что стоял в середине, держал дубинку с зазубренной цепью, и с нее капала кровь. Бахман продолжал хватать ртом воздух. Большая рваная рана на задней стороне его шеи заметно кровоточила. Неужели эти трое стояли позади них все это

время? Или они пробились к Бахману сквозь толпу? Ройя целую вечность растирала ему спину и кричала, звала его по имени. Наконец Бахман выпрямился, было заметно, что движение дается ему с огромным усилием. Его лицо исказилось от боли. Красное пятно расплзлось по его воротнику и спинке рубашки.

– Это просто маленькое предупреждение, господин Аслан, – проговорил мужчина с дубинкой. – Не надо распространять так много ерунды. Нехорошо.

Ройе хотелось броситься на него, расцарапать ему лицо. Она хотела найти полицию, потребовать, чтобы этих негодяев арестовали, заковали в наручники, утащили прочь отсюда.

– Если хочешь знать мое мнение, этот ваш Национальный фронт поддержки Мосаддыка – полная фигня. И все вы ничтожества. Без вас стране будет лучше. – Мужчина с дубинкой говорил лениво, со скучающим видом.

Бахман дотронулся до своей раны и удивленно посмотрел на испачканную кровью ладонь. Другой рукой он потянул Ройю за собой и, не говоря ни слова, протиснулся мимо этих мужчин, мимо баррикады. Он увел девушку с площади.

В тихом, безопасном переулке Бахман остановился.

– Все в порядке, Ройя-джан? Ты не испугалась?

– Бахман, тебе срочно нужно к доктору.

– Прости, я виноват. Мне не надо было приводить тебя туда. – Окровавленная рубашка прилипла к его спине. С шеи капала кровь.

– Я отведу тебя в больницу.

– Нет. Позволь мне проводить тебя до дома.

– У тебя большая рана. Ее нужно зашить. Мы должны сообщить об этом в полицию.

Глаза Бахмана наполнились слезами.

– Они и есть полиция.

– Что?

– Они работают на шаха.

Тут к ним подбежал высокий парень с щегольскими усами, по виду их ровесник. Еле отдышавшись, он заговорил:

– Я видел, что случилось, Бахман-джан. Я видел все. Какие плебеи. Подонки неграмотные. Не понимаю, как слуги шаха могут нанимать таких мерзавцев. Ну вообще-то понимаю, и ты тоже понимаешь. Здравствуйте, ханум, извините меня за плохие манеры, – обратился он к Ройе, приподняв шляпу. – Я – Джахангир. Рад познакомиться.

Джахангир, в модной дорогой жилетке и бежевой рубашке, был одет словно для званого обеда, а не для демонстрации.

– Ройя. Рада познакомиться, – пробормотала она.

– *Enchante*. – Джахангир снова дотронулся до шляпы. Ройя никогда не слышала такого слова. – Ройя-ханум, вы сможете пойти дальше одна? Мне нужно отвести этого парня к доктору. У него нехорошая рана. Я уверен, что вы согласитесь со мной. – Джахангир дотронулся до руки Бахмана, стараясь не запачкаться кровью, и выставил вперед одну ногу, словно позируя фотографу.

– Я тоже пойду с ним в больницу, – заявила Ройя.

– Кто говорит про больницу? Я отведу его в клинику моего отца.

– О. Но я могу...

– Тебе не нужно идти со мной, Ройя-джан. Сегодня ты и так оказалась в опасности по моей вине, – сказал Бахман.

– Да, не беспокойтесь. Я позабочусь о нем. Как всегда. – Джахангир улыбнулся. У него были ровные белые зубы, как у кинозвезды.

Ройя внезапно почувствовала себя чужой и неуместной рядом с этими хорошими, надежными друзьями.

– Да, хорошо. Я думаю...

– Сначала мы проводим тебя домой, Ройя, – сказал Бахман.

– Тебе срочно необходим антисептик, дружище, – сказал с напряженной улыбкой Джахангир. – У тебя кровотечение. Пойдем скорее, пока не начался сепсис.

– Мы должны проводить Ройю домой, – настаивал Бахман. – Мне ни в коем случае не нужно было приводить ее на демонстрацию.

– Я прекрасно дойду сама. Пожалуйста, Бахман, иди к врачу, – попросила Ройя.

Джахангир снова дотронулся до полей шляпы, Бахман кивнул, преодолевая боль, и Ройя пошла в сторону родительского дома.

По дороге она вспоминала ужасное происшествие. Бахман имел полное право нанести ответный удар, и никто не осудил бы его за это. Но конечно, он не стал отвечать тому негодяю, иначе все вышло бы еще хуже. А он беспокоился за нее, хотел увести ее оттуда и проводить домой. Парень, который хотел изменить мир, по-прежнему удивлял ее своей порядочностью.

Она переживала из-за раны и боялась, что начнется заражение крови. Она переживала за страну, в которой наемные негодяи могли безнаказанно ударить в толпе юношу.

5. 1953. Кафе «Ганади»

К Новрузу, персидскому Новому году, в доме сделали генеральную уборку и вымыли его дочиста. Маман несколько недель засиживалась допоздна, шила дочерям новые платья. В первый день весны семья встала вокруг праздничного стола «Хафт син», на котором лежали семь предметов, начинавшихся с персидской буквы «син». Ройя и Зари надели все новое, вплоть до белья. В точный момент весеннего равноденствия, когда зима уступает место весне, все стали прыгать от радости, обниматься и целоваться, поздравляя друг друга. Потом Баба прочел суру из Корана и несколько газелей из Хафиза. Новый год начался.

В течение тринадцати дней, следующих за первым днем весны, родственники по традиции ходили друг к другу в гости. Сначала навещали самых старших, потом тех, кто моложе. Все магазины и рестораны закрылись на праздники. Дом наполняли ароматы маминых пирожков из рисовой муки с розовой водой, хумуса и фисташкового печенья.

Через две недели, в первый вторник, когда открылись магазины, Ройя буквально побежала в «Канцтовары». Город украсился красочным калейдоскопом из цветов, распускались все новые и новые бутоны.

Когда она, запыхавшись, открыла дверь, зазвенел знакомый колокольчик. И Бахман был там, стоял возле прилавка и разговаривал с господином Фахри, а тот что-то записывал. У нее отлегло от сердца, когда она услышала любимый голос.

– Ройя-ханум, *саале но мобарак*. С Новым годом! – Господин Фахри увидел ее первым и отложил авторучку.

– С Новым годом вас. Обоих, – ответила она.

Бахман поднял голову, и его лицо осветилось широкой улыбкой.

– Эй! Как дела? Как твоя семья? Вы хорошо встретили Новый год?

Она подошла к нему ближе и невольно охнула. По задней стороне его шеи словно ползли крупные черные муравьи. Это были стежки на зашитой ране. Какие негодяи...

– Не беспокойся, – сказал Бахман. – Отец Джахангира вылил на меня ведро антисептика. У меня все нормально.

Тут вошли другие покупатели, и господин Фахри пошел к ним.

Бахман взял с прилавка что-то завернутое в красную бумагу и протянул ей.

– Вот, – сказал он. – Это тебе. *Эйди* к Новому году.

– Зачем, Бахман? Ничего мне не надо дарить!

– Мне так захотелось.

Она догадалась, что это книга. Аккуратно развернула бумагу, словно хотела навсегда сохранить и ее, и с удивлением увидела блокнот.

– Чтобы ты писала туда собственные стихи, – сказал Бахман с кротким видом.

Она раскрыла блокнот. На первой странице он написал: «Ройя-джан, любовь моя. Будь всегда счастливой и пусть все твои дни будут наполнены прекрасными словами». Ниже он написал строки из Руми:

Я стал искать тебя, когда впервые услышал о любви,
но я не подозревал, что был и глуп, и слеп.
Любовь свою не встретишь где-нибудь,
Она в тебе все время.

– Надеюсь, тебе понравилось? – нерешительно спросил он.

Ей хотелось поцеловать его, взять в ладони его лицо и поцеловать, чтобы он увидел, как ей все нравится, но в другой половине магазина господин Фахри беседовал с покупателями.

– Все замечательно. Спасибо, – поблагодарила она.

– У тебя есть сейчас время? Ты пойдешь со мной? – спросил Бахман.

– В последний раз это плохо закончилось, – ответила она.

Бахман покраснел.

– Мне ужасно жалко, что тебе пришлось увидеть такое. Но сегодня нет ни одной демонстрации. Люди все еще отмечают Новруз. Я обещаю, что мы пойдем в безопасное место. И приятное.

Они вдвоем вышли на улицу. На этот раз Бахман шел рядом с ней, соразмеряя свои шаги с ее поступью. Среди свежей весенней зелени было проще забыть о политических бурях. Если в Иране и был праздник, приносящий всем счастье, то это Новруз. Все люди на улицах повеселели и посвежели, отдохнув от работы и занятий.

Ройя и Бахман пересекли площадь Фирдоуси. В ее центре у фонтана стояла немолодая женщина, одетая во все красное – в красное платье и даже красные туфли. Она оглядывалась по сторонам, словно ждала кого-то или чего-то. Ее лицо было удрученным, но полным надежды.

– Говорят, что она должна была давным-давно встретиться здесь со своим возлюбленным, – сказал Бахман, взяв Ройю за руку.

– Я видела ее здесь и раньше.

– Да. Но он так и не пришел. Много лет назад. Парень из моего класса даже написал стихотворение об этой бедной женщине.

– Как печально, – сказала Ройя.

– Иногда я просто не могу смотреть на нее, – сказал Бахман, когда они торопливо прошли мимо.

Через несколько кварталов Бахман остановился перед какой-то витриной. Белыми, словно нарисованными пеной, буквами на стекле было написано: «Кафе «Ганади». Ройя много раз проходила мимо этого кафе, но ни разу не заходила сюда. Оно казалось ей предназначенным для более взрослых и рафинированных людей – для тех, кто пил кофе, а не чай, для девушек, у которых уже были женихи, для шикарных пар, одевавшихся как американские кинозвезды.

Бахман повел ее внутрь кафе.

Ряды пирожных в стеклянных витринах, круглые столики, розовые подушки на стульях, стены цвета легкого румянца, цветы в узких вазах, крем, сочащийся из эклеров и маленьких пирожных, – у Ройи даже закружилась голова от увиденного.

В кафе пахло сладостями, кофе и корицей. Бахман повел Ройю за руку в глубину зала, словно они были семейной парой; он прижимался к ней, когда они протискивались мимо столиков. Ройя снова ощутила запах мускуса и чего-то еще, что не могла точно определить, но почувствовала еще в тот седьмой вторник в магазине, когда он впервые взял ее за руку. Ей приходило в голову только сравнение с ветром – с прохладным, свежим, приятным порывом ветра. Теперь она держала его за локоть, и его сильные мускулы напряглись под ее пальцами. Может, из-за запахов кофе и корицы в воздухе или оттого, что она оказалась в таком шикарном кафе с красавцем Бахманом, когда он выдвинул для нее стул и она села, ей показалось, что розовый сладкий зал закружился вокруг нее.

– Что ты хочешь?

– Чай, пожалуйста.

– Ты когда-нибудь пробовала *шир-гахвех*?

– Что, прости? – Она почти не слышала его. Пары вокруг них громко болтали. Стильные молодые женщины, сидевшие на стульях с розовыми подушками, выглядели как иностранные актрисы, каких она видела только на обложках журналов; их волосы были уложены безупречными волнами (какие так старалась сделать Зари, накручивая каждый вечер волосы на обрывки газетной бумаги). Эти женщины непринужденно болтали с сидевшими напротив них моло-

дыми людьми. Невероятный мир этих изысканных пар заворожил ее не меньше, чем пирожные в стеклянной витрине. Помолвлены ли эти люди? Что сказали бы Маман и Баба, если бы увидели, что она сидит на стуле с розовой подушечкой и беседует с парнем?

– Сейчас я вернусь. – Бахман исчез в передней части кондитерской.

Он отсутствовал довольно долго и вернулся с подносом, на котором дымился в чашках кофе со сливками и стояла тарелочка с двумя пирожными. Он протянул Ройе одну чашечку, поставил поднос на стол, сел и смотрел, как она сделала глоток. Кофе обжег ей губы, он был горячим, крепким и ароматным.

– Ухо тебе, язык мне.

Ройя едва не выплюнула кофе.

– Извини, что? – пробормотала она.

– Пирожные. Слоновье ухо тебе. А мне пирожное-язык.

Он замолчал и усмехнулся. Ройя посмотрела на тарелку. И действительно, одно пирожное было в форме слоновьего уха, а другое – продолговатое, как язык.

– Тебе понравился *шир-гахвех*?

– Он... необычный.

Кофе был насыщенным; Ройя никогда еще не пробовала ничего подобного.

– Лучший итальянский эспрессо, какой можно найти в Иране! – Бахман постучал ладонью по столу. – Именно тут. – Он взял Ройю за руку. – Может, это кафе станет нашим вторым любимым местом встреч. Правда?

Ройя хихикнула и кивнула.

– Ну, вообще-то мне нравятся точилки для карандашей и книги с поэзией Руми. И демонстрации. Но знаешь...

Она снова улыбнулась. Ей казалось, что у нее началась новая жизнь. Когда они сегодня вышли из «Канцтоваров» в яркий мир, ей показалось, что сама судьба распорядилась так, чтобы они всюду вместе ходили, чтобы их видели вместе, чтобы они вместе сидели в кафе, пили и ели. Будут ли у них в будущем сладкие пирожки, *ширини* и эклеры? Смогут ли они вот так же лакомиться ими? Сидеть на красивых стульях и пить эспрессо по-итальянски? У Ройи кружилась голова от всей этой роскоши, но неожиданно и непонятно почему она вновь почувствовала уверенность в том, что ее судьба – быть рядом с Бахманом. В новом году и далее.

* * *

– Нелепо говорить, что ты выйдешь за него замуж, – фыркнула Зари, когда они на той же неделе шли домой из школы. – Сколько раз ты его видела? Шесть?

– Мы встречаемся уже несколько месяцев. И вообще, время тут ни при чем. Не имеет значения.

– Ой, сестрица! – Зари остановилась и с жалостью посмотрела на Ройю. – Время – единственная вещь, которая имеет значение. Нельзя тебе рассчитывать на этого парня.

– Почему нельзя?

– Потому что... – Зари помолчала. – Просто ему нельзя доверять. Эти политики не такие, как тебе кажется.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. Поверь мне.

До дома они шли в напряженном молчании. Ройя убеждала себя, что сестра просто ревнует и что это не пророчество. Зари, как всегда, преувеличивает. Просто ей не нравятся такие парни. Вот и все. Ройя гнала от себя сомнения и тревогу, зашевелившиеся в ее душе после этих слов. Она заставила себя думать о блокноте, подарке Бахмана, о строках, которые он написал в нем. *Любовь свою не встретишь где-нибудь, Она в тебе все время.*

Нет, конечно, Зари ошибалась.

6. 1953. Расколотое небо

Из-за того, что приближалось лето и кусты и деревья уже покрылись пышной листвой, потому что садилось солнце, а им было по семнадцать и воздух был полон ароматов жасмина, их прогулка по бульвару уже сама по себе могла запечатлеться в сердце Ройи на всю жизнь.

Перед этим они ходили в кинотеатр «Метрополь» на улице Лалезар. Вошли в роскошное фойе с круглым красным диваном, над которым сверкала хрустальными слезами люстра, а на стенах висели портреты Кларка Гейбла и Софи Лорен. Мужчины курили там сигареты, женщины в изысканных шляпках держали в пальцах крошечные чашечки кофе. Ройю увиденное потрясло настолько, что она и сама почувствовала себя чуть ли не кинозвездой. Потом они с Бахманом поднялись на балкон, сели в коричневые бархатные кресла и смотрели итальянский фильм «Похитители велосипедов» режиссера Витторио де Сика.

– Мне нравится этот фильм, – прошептал Бахман, когда в зале погас свет. – Мне интересно узнать твое мнение.

Ройя, взволнованная близостью его губ к ее уху, не могла говорить. Она лишь молча кивнула. Этот парень принес в ее спокойную и размеренную жизнь столько нового и волнующего.

Выйдя из кинотеатра, они очутились в прекрасных до боли летних сумерках. Сгущались тени, белели цветы жасмина, по лавандовому небу плыли лиловые и багровые облака.

– В фильме так много общего с тем, что сейчас происходит в Иране, – сказала Ройя, когда они шли по бульвару. – Бедняки стремятся к лучшей жизни. Но у них ничего не получается. Наши лидеры должны помочь им. Ведь герой фильма мечтал всего лишь о велосипеде, чтобы ездить на нем на работу. Вот и все.

– Я с тобой согласен. Наши бедняки тоже находятся в ловушке своего сословия и своей судьбы, – со страстью заявил Бахман и взял Ройю за руку. – Но мы можем все изменить. Благодаря демократии. Мы на верном пути.

– Зари считает, что мы вряд ли получим когда-нибудь полный контроль над нашими природными ресурсами. Этого англичане не допустят, – сказала Ройя.

– Для тех, кто не любит политику, аргументы твоей сестры могут показаться убедительными, – возразил Бахман.

Ройя рассмеялась.

– Но сейчас моя задача – убедить ее, что я не самый ужасный человек в Тегеране! – сказал Бахман.

– Не обращай внимания на Зари, – отмахнулась Ройя. – Она любит все драматизировать, вот и все.

В конце учебного года Ройя стала приглашать Бахмана на регулярные домашние вечера, которые они устраивали с сестрой. Ничего особенного: просто нарезанные фрукты, смех, шутки, разговоры. И Бахман был там не единственным парнем, в гости приходили друзья и кузены, входившие в «экипаж», как Зари называла их кружок. Бахмана представили родителям, и Ройе было приятно, что он может бывать в ее доме, болтать с ее друзьями, стать в их группе своим...

Внезапно Бахман остановился и замолчал.

– Что такое?

– Я просто хотел спросить... – Казалось, он нервничал. – Подожди немножко. Я просто хотел спросить, Ройя... – Его голос дрогнул, когда он произнес ее имя, дрогнул, как у тринадцатилетнего мальчишки. Бахман мягко повел ее с середины дорожки к огромному жасмину, цветущие ветки которого образовали что-то наподобие пещеры. Молодых людей окутал умопомрачительный аромат прекрасных цветов.

Бахман смотрел на Ройю, и она с удивлением обнаружила, что он выглядел совершенно беззащитным.

Она не дала ему сказать ни слова. Зачем? К чему эти игры? В облаке жасмина она поцеловала его. Ей казалось, что она приземлилась там, где все равно должна была находиться, в другом мире, нежном и невероятно соблазнительном – в абсолютно их с Бахманом измерении, хотя и таком, в котором она никогда не осмеливалась бывать прежде.

Вкус его губ, сильные руки на ее талии, прижавшееся к ней тело Бахмана... Она продолжала целовать его, а когда наконец перевела дыхание, он покраснел и выглядел совершенно ошеломленным. Ей даже показалось, что он вот-вот упадет.

– Я догадываюсь, что это твое «да», – сказал он.

– Да. Согласие.

Удивительно новое ощущение власти над любимым придавало ей уверенности. До этой минуты она даже не догадывалась, что такое возможно.

– Конечно, я пойду к твоим родителям.

Она предположила, что его целовали и раньше. Хотя, может, и не целовали. Она-то точно никого еще не целовала и удивилась тому, насколько естественно сделала это, словно она так поступала всегда.

– Если твои родители согласятся, мы можем пожениться в конце лета. Я хочу быть ближе к тебе. Я ничего так не хочу, как быть с тобой. Чтобы наши миры слились в один.

Должно быть, это была судьба, написанная у них на лбу невидимыми буквами. Она сказала «да» чему? Поцелую? Замужеству? Ее сердце забилося учащенно, и тогда он наклонился и поцеловал ее. Что могло быть крепче и удивительнее первого поцелуя, такого нежного, сравнимого с изысканными гроздьями жасмина, с крошечными, полупрозрачными лепестками. Ройя таяла в объятиях Бахмана, сливалась с ним. Непозволительная вещь до замужества, конечно, но так уж вышло. Боже, хорошие девочки так не поступают. Но Ройю это не волновало. Она могла целоваться с Бахманом бесконечно. Если они будут делать это до конца жизни, ей все равно будет мало.

* * *

– Тебе нравится его ГОЛОС? Ты сказала, что выйдешь замуж за этого парня, потому что у него дрогнул голос?

– Мне нравится в нем все, – сказала Ройя. – Мы любим друг друга.

В тот вечер, погасив свет, Зари и Ройя лежали в своей комнате и шептались. Ройя прокручивала в голове каждое мгновение того вечера: как дрогнул голос Бахмана, когда он спросил ее, потом тот поцелуй под жасмином... Кое-что она рассказала Зари, но теперь жалела об этом.

– Значит, его голос дрогнул, и это было так мило, что ты согласилась выйти замуж за человека, которого могут посадить в тюрьму в любой день за политическую активность? Ты ведь даже почти не видела его родителей.

– Перестань паниковать, Зари. Он страстно переживает за будущее страны и помогает в очень достойном деле. Меня это восхищает.

– А как же его мать? Ты сказала, что она грубо разговаривала с тобой во время вашей первой встречи.

– Вообще-то не грубо. Просто она плохо себя чувствовала. Бахман предупредил меня. Но ей станет лучше.

– Нет, мне просто не верится, что ты дала согласие!

– Слушай, Зари, мне трудно объяснить тебе, что такое любовь. Когда ты знаешь, что поступаешь правильно. Просто знаешь. Что этого не избежать. Это как... как будто тебе на голову упало дерево.

– Замечательное сравнение.

– Я имела в виду, что от этого не спастись. Что просто такова жизнь. Бахман – моя судьба. Вместе мы будем... – Невозможно было выразить словами ту нежную паутину, в которой качались в тот вечер Ройя и Бахман, и не только в тот вечер, а всегда, когда были вместе. Любые попытки объяснить это сестре были обречены и, казалось, переводили в прозу волшебную поэзию чувств.

– Спокойной ночи, сестра. – Зари вздохнула.

Ройя прижалась к ней, радуясь, что их разговор закончен.

– Я буду молиться за тебя! – добавила Зари и сжала ей руку.

* * *

Когда Бахман пришел к родителям Ройи просить ее руки, все нервничали, хотя он уже несколько раз бывал в доме в конце весны и начале лета. Но тогда там были и другие их друзья. На этот раз он явился один. Традиция требовала, чтобы парень привел своих родителей, но Бахман сказал, что его мать больна, а отец не мог оставить ее одну.

Во время маленьких сборищ с друзьями, когда Бахман говорил о своей страстной поддержке политики премьер-министра, отец Ройи с удовольствием слушал. В политике они были единомышленниками, и это расположило его к парню и стало огромным преимуществом. Но другое дело – просить у родителей разрешения на брак с их дочерью, и все это понимали.

Ройя так волновалась, что расплескала чай, когда подавала его Баба, Маман и гостю. Бахман сидел в гостиной перед родителями и нервно кусал губу. Ройя ужасно переживала за него, хотела как-то ему помочь, и все было крайне необычно. То, что он явился в ее дом без родителей, усугубляло положение. Эх, надо было бы им прийти! Как того требовал обычай, Ройя принесла чай и ушла из гостиной, чтобы Бахман говорил с ее родителями без нее. Но она оставила дверь слегка приоткрытой, и к ней немедленно присоединилась Зари, ждавшая возле гостиной. Они обе стали смотреть в шелку.

– Бахман-джан, добро пожаловать в наш дом, – с формальной вежливостью сказал Баба.

– Хотите *ногл* в чай? – Ройя увидела в шелку, как Маман протянула Бахману серебряную чашу с засахаренным миндалем.

– Да не заболят ваши руки, Кайхани-ханум, благодарю вас. – Бахман использовал обычное персидское выражение, какое используют в преувеличенно вежливой беседе, и чинно взял *ногл*.

Последовал дальнейший обмен любезностями. Баба что-то сказал про погоду. Маман спросила, хочет ли он фруктов, пожалуйста, пусть попробует огурцы, они такие свежие. Бахман не стал отказываться. Потом наступило молчание. Ройя затаила дыхание, Зари грызла большой палец.

Бахман кашлянул.

– Как вы знаете, Кайхани-ага и Кайхани-ханум, с прошлой зимы я имел радость быть знакомым с вашей дочерью. Благодаря этому я считаю себя чрезвычайно счастливым человеком.

Зари подавила смехок.

Маман и Баба не проронили ни слова. Бахман продолжал:

– Я хочу вам сообщить, что я очень упорно учился в старших классах и окончу школу, слава Аллаху, как *шагердавал*, лучший в классе.

– Ну, из такой школы, как ваша, можно гарантированно поступить в университет и присоединиться к классу профессионалов! – сказал Баба.

– Благодарю вас. Да. Но... – Бахман кашлянул. – Возможно, вы знаете, что мне бы хотелось осенью приступить к работе в прогрессивной газете, поддерживающей Мосаддыка.

Зари ударила себя ладонью по лбу.

Маман неловко заерзала. Ройя понимала, что работа в политической газете – не то, чего мать ожидала от будущего зятя. Ройя затаила дыхание, словно ее возглас мог все разрушить.

– Но это временно. Пока в нашей стране не наладится обстановка. Мы должны делать все, что в наших силах. Помогать Национальному фронту. В этой газете работают мои друзья, – продолжал Бахман. – Для меня это хорошая стартовая позиция. Я надеюсь, вы знаете, как я предан вашей дочери. Я сделаю все, что в моих силах, для нашей безопасной и счастливой жизни. Все. Она не будет ни в чем нуждаться. Мне очень повезло, что я могу быть рядом с ней. Мои родители не смогли прийти сюда, хотя так требует обычай, но я обязательно приведу их – если получу ваше согласие. Если я получу возможность и высокую честь сделать вашу дочь...

– Что, сейчас тебе на голову упадет дерево? – прошептала Зари.

Ройе хотелось вбежать в гостиную и просто сесть рядом с Бахманом. Долго ли он репетировал эту речь? Как он, должно быть, сейчас нервничает! Она знала, что Маман не нравится его активное участие в политике. Но было трудно устоять против обаяния Бахмана, не хотеть дышать воздухом, которым он дышит, не заразиться его оптимизмом. Конечно же, Маман и Баба дадут согласие.

– Что я хочу сказать, Ага Кайхани, Кайхани-ханум, что мне очень хотелось бы... ну... я был бы очень признателен вам за честь... я хотел бы просить у вас разрешение жениться на вашей дочери, – наконец проговорил Бахман.

– Мой дорогой мальчик! Пожалуйста. Мой мальчик, мой мальчик! – загремел голос отца. – *Албате!* Да, конечно!

Ройя шумно перевела дух. Зари молчала, застыв на месте.

Маман вытерла пальцем слезинку со щеки.

– Желаю вам долгой совместной жизни, – сказала она и улыбнулась, когда Бахман слишком долго тряс руку ее мужа.

А Ройя с облегчением прислонилась к дверному косяку. Значит, ее родители согласны. Теперь осталось только, чтобы его родители пришли с официальным визитом и встретились с Маман и Баба.

* * *

Через несколько дней Ройя пила с Бахманом крепкий кофе, сидя в кафе «Ганади» на розовых подушках.

Неожиданно у нее возникло странное чувство, будто за ней наблюдают. При мысли о негодях, снова выслеживающих политических диссидентов, она насторожилась и с ужасом окинула взглядом кафе. Но мужчин с дубинками не обнаружила. Зато заметила в нескольких столиках от них высокую девушку в зеленой шляпке с пером и большой шпилькой. Девушка глядела на нее в упор. Она была красивая – оливковая кожа, большие темные глаза, пухлые губки с темно-красной помадой, уложенные безупречными волнами волосы. Ройя даже разглядела темную родинку над верхней губой девушки, словно у кинозвезды. Девушка продолжила глядеть на Ройю с выражением, граничащим с отвращением.

– Бахман, – шепнула Ройя. – Ты пока не смотри туда, но женщина за тем столиком все время не сводит с нас глаз.

– Кто? – Бахман резко повернулся.

– Подожди! Не смотри! – еле слышно прошептала Ройя.

Но было уже поздно. Бахман увидел девушку и снова повернулся к Ройе. У него покраснели уши и лицо.

– Она все еще смотрит, да?

– Ох, это просто... – пробормотал он. – Не беспокойся.

– Ты знаешь ее?

– Это Шахла.

– Кто?

Он вздохнул.

– Моя мать считает, что она – моя судьба.

Ройя просто онемела.

Он взял ее за руку.

– Не обращай внимания. Важно то, что считаю я. Что считаем мы, – тут же поправился он. – Я не сторонник отжившей чепухи, когда невесту для сына подыскивают родители. Сама знаешь.

У Ройи застучала кровь в висках.

– Ты никогда не упоминал о ней. Не говорил мне, что планировала для тебя твоя мать.

– Слушай, моя мать, как и большинство других, нашла мне невесту. Эту самую Шахлу. Поверь мне, Шахла совершенно не то, что мне нужно. Она мне не подходит.

– Почему ты ничего не сказал? Ты должен был сказать. Мне хотелось бы знать об этом!

– Ну, потому. Слушай, Ройя, у моей матери бывают... пунктики. Иногда она бывает нездорова. Эмоционально. Психически. Возможно, ты замечала.

Впервые Ройя встретила с родителями Бахмана еще весной, когда после школы они с друзьями пришли к нему домой. Отец Бахмана показался ей добрым и спокойным, но вот мать напугала. В первый раз, когда Ройя увидела госпожу Аслан, да и позднее, ей казалось, будто та оценивает ее с ног до головы. В присутствии этой женщины она чувствовала себя ужасно неловко и скованно. Мать Бахмана явно не любила ее и настроилась против их помолвки. Но в конце концов, последнее слово было за спокойным и терпеливым господином Асланом, потому что он мужчина.

– Ты должен был сказать. – Ройя оттолкнула кофейную чашечку и встала. – Неудивительно, что твоя мать не выносит меня. Она присмотрела для тебя другую. Как ты мог не сказать мне такую важную вещь? Ты думал, что я не узнаю? В этом городе? Где все старшеклассники знают друг друга, мальчики из твоей школы встречаются с девочками из моей? Неужели ты вправду думал, что я ничего не узнаю?

– Пожалуйста, Ройя. Она мне абсолютно безразлична. Пустое место. У моей матери собственные представления обо всем. Она... она всегда против всего.

Ройя снова села, потому что не хотела, чтобы девушка в шляпке видела их ссору с Бахманом, не хотела доставить ей такую радость. Ройя хотела уйти, но не могла. Несмотря на злость, она уже пыталась, как говорят, сохранить лицо. Все-таки они жили в паутине вежливых жестов и формальностей, которая требовала от женщины соответствующего поведения и часто вызывала у нее удушье. Но у нее не было выбора, оставалось лишь терпеть и как-то приспособливаться к ситуации. Ройя понимала это.

– Не волнуйся, у тебя наладятся отношения с моей матерью. Дай ей немного времени, чтобы она лучше узнала тебя. Как же ей не понять, что ты сама доброта, раз все вокруг это видят?

– По-моему, она считает, что ты можешь найти себе кого-то получше.

– Такое невозможно, так что она ошибается. Пойми, это все ее нервы. Моя мать не может контролировать свои эмоции. У нее бывают черные дни. Но она примет тебя, вот увидишь.

Конечно, чему тут удивляться? У госпожи Аслан свои представления о том, какие девушки достойны ее сына. В магазине господина Фахри, среди книжных стеллажей и канцтоваров, Ройе казалось, что Бахман принадлежал ей целиком и полностью. Парень в белой рубашке и штанах цвета хаки приходил туда один, без друзей. Казалось, их разговоры, понят-

ные только им двоим шутки, эспрессо в кафе «Ганади» пребывали в каком-то отдельном мире. Из-за его политической активности она поначалу предполагала, что круг друзей Бахмана состоял из националистов, ярых сторонников премьер-министра Мосаддыка. Она думала, что он проводил все время в политических спорах за чашкой кофе с такими же молодыми интеллектуалами. Но его близким другом был Джахангир, и она уже поняла, что этот парень принадлежал к иранской элите. Он славился тем, что устраивал лучшие в городе вечеринки. И, как она узнала, Бахман тоже считался своим в тех кругах. Конечно, там неизбежно бывали другие девушки, которым он нравился.

Бахман наклонился и поцеловал ее в щеку. От его губ пахло обжаренным кофе. Конечно, Шахла не могла не увидеть этого. На людях, в кафе Бахман поцеловал ее, словно они одни в целом мире, словно им нечего скрывать.

Ройе полагалось бы оттолкнуть его, но вместо этого она позволила себя поцеловать. Ведь они помолвлены, все в порядке. Их судьба определена, и никакие планы его матери не могли ее изменить.

Краешком глаза Ройя видела, как девушка по имени Шахла встала, протиснулась между столиков и выскочила из кафе.

7. 1953. Госпожа Аслан

Против своей воли госпожа Аслан вынужденно дала согласие на помолвку, потому что, как она часто говорила (но только никто ее не слушал), в этом адском мире все решали мужчины и что значило мнение женщины? Ее бесхребетный муж одобрил помолвку сына – и все! Дело сделано, печать поставлена. Как будто она, мать, не выталкивала мальчика из своего хрупкого тела, как будто она не кормила его своей грудью месяц за месяцем и он не высасывал досуха ее молоко, как будто она не держала его за руку, не водила его по городу, показывая мир, как будто не она сидела с ним вечер за вечером, заставляя учить наизусть стихи и решать математические задачки. Как будто не она делала все, что в ее силах, чтобы ее сын смог добиться успеха в жизни! С самого детства она видела в ребенке огромный потенциал. В этом новом Иране он сбросит ярмо классовых предрассудков и пробьется в высшие круги общества. Ведь разве страна не меняется? Все говорят об этом. Разве сама она не переменила свою судьбу, не вырвалась из нищеты благодаря своей решимости и по воле Аллаха? Она, маленькая девочка в рваных шлепанцах и повязанном на шее дырявом шарфе, девочка, которой было суждено всю жизнь оставаться дочерью бедняка, крестьянкой или служанкой. Девочка, пережившая страшные потери. Но теперь у нее был Бахман.

Она вышла замуж за господина Аслана (бесполезно горевать из-за разбитого сердца, что прошло, того уже не вернешь), благодаря чему сбросила оковы своего сословия. Она стала женой инженера и растила их сына! Разве кто-то в этом городе поставит под сомнение энергию, ум и выдающиеся таланты ее Бахмана? Разве он не равен солнцу и звездам? Ей хотелось, чтобы Ройя исчезла из жизни сына. Вместо этого ей пришлось смириться с тем, что эта девчонка сидела, смеясь, в гостиной на ее софе. (Да, у них была софа. Да-да, у них была софа, мебель в западном стиле. В ее детстве в их крошечной комнатке не было ни стульев, ни стола и уж тем более шикарной софы. Они сидели на полу, скрестив ноги. Они ели из блюд, расставленных на куске ткани *софре*.) Теперь девчонка сидела на *ее* софе. Это злило. Это обостряло ее болезнь, безжалостного и непредсказуемого монстра. Цунами этой ужасной нервной болезни иногда настигало ее без предупреждения. Она погружалась в бездну, и тогда даже ее мальчик не мог вызвать оттуда свою мать. Как ни пытался.

И вот во время особенно депрессивного цикла ее болезни Бахман объявил, что хочет сделать Ройе предложение. Муж – он всегда был слабым и безвольным – дал согласие. Даже похвалил сына. У самой госпожи Аслан не было сил, она с трудом доживала до вечера, каждый час жизни давался ей тяжело – неужели они этого не знали? Как они посмели ошарашить ее таким известием? Хотя, может, они нарочно выбрали такое время, сукины дети? Теперь она будет вынуждена присутствовать на этой проклятой помолвке только из-за того, что, как всегда, женщина должна подчиняться мужу. Даже такому слабому и никчемному, как господин Аслан. Она хотела предотвратить катастрофу. Ее замечательный сын так одарен, у него настолько баснословные перспективы! И вдруг он решил жениться на какой-то средненькой девице, которая считает достойным занятием чтение романов, переведенных с русского или английского. Да, она смазлива, но не красавица, а ее отец выбивается из сил на своей жалкой работе. Хуже всего то, что ее отец тоже одержим национализмом и премьер-министром, как с недавних пор и Бахман. Она не хочет, чтобы ее мальчик и дальше тратил свои силы на бесполезную политику. Ей нужно, чтобы Бахман сделал успешную карьеру, устроился в нефтяную компанию, получал хорошие деньги – ведь нужно еще так много сделать. Сейчас перед молодежью открываются такие возможности!

– Как вы себя чувствуете, госпожа Аслан? – посмела спросить у нее эта девчонка Ройя, сидя на софе. – Бахман сказал, что вы в последнее время плохо спите. Вам стало лучше?

Хилая, невежливая соплячка!

– А как бы тебе хотелось? – ответила госпожа Аслан. – Вот подожди, девочка, жизнь прихлопнет и тебя. Она толкнет тебя с горы, когда ты меньше всего этого ждешь. Вот увидишь. В мире нет справедливости. Ты знаешь, что дети умирают?

Девчонка с ужасом вытаращила на нее глаза. Она была ошеломлена и даже не могла ничего сказать.

– Вот так. Тебе кто-нибудь говорил это, когда ты соблазнила моего сына? Когда ты заманила его в тот жалкий магазин? – У нее сжалось сердце, когда она произнесла эти слова; у нее заболел желудок. Внезапно у нее запылало все тело; ей захотелось сорвать с себя одежду, стоять голой у окна, чувствовать ветер на коже, да что угодно, лишь бы не задыхаться при мысли о надвигающейся катастрофе.

– Мама, пожалуйста, пожалуйста!.. – Голос Бахмана звучал словно с вершины высокой горы. Госпожа Аслан обливалась потом, у нее начался очередной панический приступ.

– Любовь, – проговорил господин Аслан звучным голосом. – Как писал наш поэт Омар Хайям, любовь – это...

– Хватит! – крикнула госпожа Аслан. – Заткнись!

Она не могла больше терпеть. Ее муж всегда делал вид, будто все в порядке. Он слабак, трус, дурак. Ни за что не захочет говорить о катастрофе. Она встала и выбежала из комнаты, чтобы не слышать его глупые речи и не видеть эту соплячку.

* * *

Дверь с грохотом захлопнулась.

Ройя сидела на софе и смотрела на свои руки. Ее била дрожь. Бахман предупреждал ее, рассказывал о болезни матери, о том, как она впадает в ярость, не может контролировать свои скачки настроения. В дальнейшем Ройе придется как-то ладить со свекровью, но даже теперь, кажется, по мнению госпожи Аслан, она ничего не делала правильно. Господин Аслан выглядел так, будто его лягнула лошадь. До этого они некоторое время пили чай и делали вид, будто все нормально, а это самый обычный визит. Но госпожа Аслан даже не скрывала, что ей не нравится Ройя, и теперь в гневе и панике покинула гостиную. Бахман как-то сказал, что «этот монстр невроза поглощает ее целиком». Но в болезни ли дело? Господин Аслан пытался загладить грубость жены и предложил Ройе второй стакан чая и пахлавы. Когда она поблагодарила и отказалась, он закрыл глаза и откинулся на спинку стула, приняв позу, в которой многие иранцы читают стихи древних персидских поэтов.

С минуту господин Аслан оставался в такой позе и размеренно дышал. Потом тоже встал.

– Извините меня, – произнес он с легким поклоном. В его глазах стояли слезы. – Я скоро вернусь. – Шаркая, он вышел из гостиной.

Ройя посмотрела ему вслед. Она по-прежнему сидела на софе рядом с Бахманом, сыном этих супругов, которые так не походили на другие знакомые ей семейные пары своим взаимным отчуждением и одиночеством.

Когда мать вела себя так и отбрасывала все приличия и правила этикета, когда ее ярость перехлестывала через край, Бахман менялся, вот и теперь он поник и притих. Ройя сжала его руку.

– Я не обиделась, – солгала она. – Что поделаешь? Болезнь.

Рыдания госпожи Аслан ударяли в закрытую дверь спальни словно пули. Слышался и приглушенный голос господина Аслана, ласково уговаривавшего жену.

Бахман ничего не ответил. Он просто смотрел куда-то в стену. Через несколько минут, показавшихся бесконечными, он спокойно положил голову на плечо Ройе. Она почувствовала его горячую щеку даже сквозь тонкую блузку, сшитую матерью. Потом Бахман уткнулся лицом в эту блузку. Казалось, он был готов провалиться сквозь землю.

Ройя поцеловала его в макушку, гладила его по голове. Ей хотелось спасти любимого от такого позора.

Наконец вернулся господин Аслан. Он выглядел приунывшим.

– Ну как? – спросил он бодрым тоном. – Кто хочет еще чаю?

«Дети умирают» – звучало в ушах Ройи.

Бахман встал, пошел на кухню и принес еще чаю. Все делалось ради Ройи, из старания соблюсти этикет. Все делали вид, что не слышат рыданий за закрытой дверью спальни. Бахман вернулся и принес свежесваренный чай из самовара; стаканы балансировали на серебряном подносе. Он привык приносить чай, хозяйничать на кухне, возможно, даже готовить еду. Короче, выполнять женскую работу. Он и его отец делали ее чаще и больше, чем все мужчины, каких Ройя видела в своей жизни. Женщина в их доме болела. Отец и сын старались исправить положение, вели хозяйство. Бахман рассказывал Ройе, что мать просто выгоняла всех слуг, так как не могла выносить их присутствия. Она никогда не принимала ничью помощь. И сын считал, что уж лучше все будет так, как есть. Их семья жила закрыто, чтобы никого не задевали истерики матери. Теперь он стоял с подносом в руках, и Ройя понимала, что он постарается защитить ее от таких ужасных и бесконтрольных эмоций матери.

Бахман аккуратно поставил поднос на стол.

А Ройя подумала, что она смирится с его матерью и будет изо всех сил стараться с ней поладить. Ради этого парня она согласна на все.

8. 1953. Помолвка

Помолвку праздновали июльским вечером, через несколько недель после того, как Ройя и Бахман окончили школу. Маман и Баба пригласили в свой дом родных и друзей. Маман и девочки часами хлопотали на кухне, варили, жарили, нарезали. Им помогала Казеб, которую они иногда нанимали, если работы по хозяйству предстояло слишком много. В день празднования Казеб отправилась с Зари за срочными покупками, а Ройя и Маман сосредоточились на приготовлении главного блюда – жемчужного риса.

Возле кухонной раковины Маман, убрав в пучок каштановые волосы и засучив рукава на пухлых руках, промывала *зереш* – барбарис. Ее круглое лицо вспотело от усилий. Мелкие сушеные ягоды барбариса нужно было добавить к рису басмати, когда блюдо будет готово. Ройя стояла возле матери и вдыхала знакомый запах лимона. Она помогала выбирать из ягод мелкие камешки и комочки земли, а потом смотрела, как Маман промывала барбарис в мелком сите.

– Маман, как вы думаете, теперь все будет по-другому? – спросила она.

Маман положила сито в миску с холодной водой, чтобы барбарис размок.

– Что будет по-другому?

– Я имею в виду наши отношения. – Как Ройя ни стремилась душой к новой жизни с Бахманом, ей было немного странно и боязно думать о предстоящих переменах. Будет ли она по-прежнему считать родительский дом с его белыми гардинами и такой безупречно организованной кухней своим? Или все переменится? Сможет ли она по-прежнему обмениваться шутками с Зари и считаться членом их семьи?

Маман вздохнула.

– Так уж устроена жизнь, Ройя-джан. Девочки вырастают. Они выходят замуж и покидают родительский дом. – Она встряхнула над раковиной сито с барбарисом. – Хотелось бы мне, чтобы ты жила со мной в этом доме до моей смерти? Не стану лгать. Бывают эгоистичные моменты, когда мне нравится мысль, что мои дочери никогда не разлучатся со мной. Но тебе, конечно же, нужно начать собственную жизнь. Тебя ждет твое собственное будущее. Я желаю вам с Бахманом прожить долгую и счастливую совместную жизнь. *Иншаллах* – если пожелает Аллах!

Долгая и счастливая совместная жизнь. Они с Бахманом поженятся в конце лета, и тогда земля качнется под ногами от восторга и испуга. Маман протянула ей сито. Ройя выложила на кухонное полотенце барбарис, промокнула его досуха и высыпала на большую тарелку – за много лет она отточила все кулинарные навыки под руководством матери. Но на этот раз она как никогда остро понимала, что хотя и готовит с Маман как обычно, это делается для события, которое отдалит ее от матери.

– Мы все равно будем почти рядом. Ты будешь жить всего в сорока минутах отсюда, Ройя-джан! – Маман рассмеялась, словно угадала мысли дочери. – Если захочешь, мы будем видеться каждый день. Если ты еще не устала от твоей Маман.

Ройя и Рахман решили снять несколько комнат по соседству с домом его родителей. Таким образом Бахман мог по-прежнему присматривать за матерью в дни обострения ее болезни. Правда, это было далековато от газеты, в которой Бахман начнет работать осенью, но он мог добираться туда на автобусе. Со временем они приобретут, конечно, собственное жилье, но для начала их устраивали и эти комнаты. Ройя испытала огромное облегчение, когда Бахман решил жить отдельно от родителей; по общепринятому обычаю, молодоженам полагалось сначала жить в доме родителей жениха. Но Бахман настаивал, что Ройя не должна становиться сиделкой у свекрови, а они с отцом справятся, поскольку он будет жить рядом.

Маман вытерла лоб тыльной стороной ладони.

– На этом новом этапе жизни, конечно с согласия твоего мужа, ты можешь определить свои ближайшие шаги. Многие будут ждать, что ты останешься дома и родишь детей, и это тоже хороший путь. Или, если хочешь, ты можешь хотя бы немного учиться дальше, о чем так мечтает отец. – Маман вскрыла мешок риса и высыпала в большую миску. Зернышки звонко стучали о стенки миски и падали в кучку.

Баба и его мечты. *Мадам Кюри!* Ройя наполнила водой миску, чтобы вымыть из риса лишний крахмал.

– Да, он так гордился и радовался, что у нас появилась возможность получить высшее образование. Но вообще-то сама я никогда не...

– Не хотела учиться? – договорила за нее Маман. Ее волосы сияли в солнечных лучах, падавших в кухонное окно. При ярком свете стала заметна седина. – Моя дочка любит романы. Любит читать. У тебя все получится, Ройя-джан. Ты знаешь, что Баба рад за тебя. Он любит Бахмана. – Мать погладила Ройю по щеке. – Ты всегда будешь моей маленькой доченькой. Сорок минут – суший пустяк.

Ройя тщательно промыла рис и поставила миску. Теперь они с матерью слегка обжарят барбарис, потом возьмут кусочки курятины, посыпят их солью, перцем и куркумой и обжарят до золотистой корочки. Они отварят рис, сольют воду, снова положат рис в кастрюлю и накроют тканью, чтобы на нее оседал пар, а сверху крышкой. Вместе с Маман они побрызгают обжаренную курятину соком лайма и растворенным в воде шафраном и разложат кусочки на блюдах. Нарубят ножом фисташки и миндаль и добавят к рису вместе с завитками апельсиновой цедры, которые Маман засушила на солнце. На праздник в честь помолвки они подадут гостям роскошное угощение, какое достойно и свадебного торжества. Потому что наступало время радости. Время, когда у Ройи начнется новая жизнь. Маман была права: дочка могла прийти к ней в любое время, просто повидаться или попросить совета, посидеть с матерью на кухне и выпить чаю.

Громко разговаривая, вернулись Зари и Казеб и притащили большие розовые коробки со сладостями.

– Такие тяжелые, что у меня спина отваливается! – пожаловалась Зари и поставила коробки на кухонный стол. Потом посмотрела на Ройю. – Что с тобой? Почему у тебя такое серьезное лицо? Не вижу восторга! – Сестра говорила с легкой насмешкой, но все же озабоченно.

– Конечно, я в восторге. В чем дело?

– И ты не нервничаешь?

– Совсем чуть-чуть. Но все-таки, ма... – Она собиралась сказать Зари, что Маман заверила ее в том, что их отношения по-прежнему останутся близкими.

Этого оказалось достаточно, чтобы Зари перехватила у нее инициативу непростого разговора.

– Значит, его мать испортила тебе настроение? Я знаю, она считает тебя недостаточно хорошей для ее сына! Она считает, что он мог бы найти себе жену из знатной семьи. Просто она из тех жадных женщин, которые стремятся вскарабкаться повыше по социальной лестнице. Ей нужны высокое положение в обществе и много денег. Так ведь? Она считает, что наша семья ниже по статусу, чем их, потому что Баба работает правительственным чиновником. Она смотрит на нас свысока!

– Зари, перестань! – сказала Маман.

– Нет, правда. Как ты будешь жить рядом с ней? – спросила Зари.

– Я люблю его.

– Она была против вашей помолвки! Разве это ни о чем тебе не говорит? Неужели ты этого хочешь? Ты выходишь замуж за парня, а его мать ненавидит тебя?

– Зари, хватит драматизировать! – одернула дочку Маман.

Зари закусила губу, но через пару секунд продолжила:

– Сестра, какой ты бываешь иногда наивной! Его мать постоянно пытается тебе навредить. Ведь сыновья всегда как глина в руках матерей. А этот сын больше других. Как он с ней разговаривает? *Ой, мама, что тебе принести? Ой, ты выпьешь еще чаю, мама? Ой, мама, дай я сам это приготовлю для тебя!*

– Хорошие сыновья всегда так поступают! – возразила Маман.

– До такой степени?

– Да! – заявила Ройя. – И вообще, ведь она в конце концов дала согласие, разве нет? Теперь она не против нашей свадьбы.

– Ты только будь осторожной, сестрица, ладно?

– Зари. – Ройя понизила голос и огляделась по сторонам, словно делилась страшным секретом. – Она нездорова.

Только после нескольких встреч с госпожой Аслан Ройя поняла, что Бахман восполнял неустойчивое состояние матери тем, что старался делать все, что мог, для нее и для их семьи. Казалось, его доброта, великодушие и золотые руки компенсировали полное отсутствие этих качеств у матери. Он терпеливо переносил ее нервные припадки, прощал все ее грубости и злость. Хрупкое здоровье матери, казалось, создало у него потребность впитывать в себя, брать от жизни все, что можно, и быть сильным. Разве не поэтому господин Фахри говорил, что этот парень изменит мир? Ройя всегда думала, что речь шла о деятельности Бахмана в поддержку премьер-министра Мосаддыка. Но может, Бахман просто видел мать, скованную болезнью, в своем доме жил почти постоянно изолированным, мало общался с другими людьми, не научился как следует справляться с житейскими ситуациями, и все это породило у него желание оставить свой след в этой жизни. Вести собственный корабль, преодолевая трудности, «изменить мир», по словам господина Фахри.

– Слушай, Зари. Ты просто не все знаешь про госпожу Аслан. Так что, пожалуй, тебе надо быть более снисходительной. Просто не обращай внимания. Ты не знаешь всю историю, – прошептала Ройя.

– Я знаю про ее безумные скачки настроения. Кто этого не знает! Разве это секрет?

Ройя, помрачнев, отложила кулинарную лопатку.

* * *

Улыбающиеся Ройя, Маман и Баба стояли рядком возле двери дома и встречали гостей. Тетки и дяди, близкие друзья и родственники приходили с цветами и сладостями, поздравляли Ройю и ее родителей, устраивались в гостиной. Женщины болтали, пили чай на одной половине комнаты, мужчины стояли группами на другой, держа в руках стаканы с чаем. Ройя рассчитывала, что Бахман и его родители явятся первыми, но они задерживались. Где же они?

Наконец дверь открылась и вошел измученный Бахман, поддерживая под руку мать. За ними с унылым видом плелся господин Аслан.

– Простите за опоздание. – Бахман поздоровался с Маман и Баба и поцеловал Ройю в щеку. Ройя пришла в ужас от этого. Да, они помолвлены, но все-таки такой поцелуй показался ей слишком нескромным. Проявлять нежность на виду у старших – значит не уважать их. Но ее тело налилось теплом от поцелуя, и она смягчилась.

– Все в порядке? – шепнула она.

– У нас были кое-какие... проблемы, – пробормотал Бахман.

Проблемы явно были связаны с его матерью. У госпожи Аслан, вероятно, случился очередной припадок. «Хрупкая и агрессивная» – так однажды описал ее Бахман.

Ройя застыла, когда будущая свекровь шла к ней в черной блузке, черной юбке и толстых черных чулках. И это в прекрасный летний вечер! Почти все женщины надели светлые наряды.

Маман – в элегантном бирюзовом платье, Зари выбрала розовое, совсем как ее обожаемые голливудские кинозвезды. Ройя надела зеленое платье, сшитое матерью специально к этому празднику. Но госпожа Аслан, казалось, явилась на похороны. Она даже накинула на плечи темную шаль. На ее щеках горели красные пятна, от нее пахло крепкими цветочными духами.

Маман не любила косметику. Она презирала женщин, нуждавшихся в «боевой раскраске», чтобы продемонстрировать свою красоту. Когда Зари накручивала перед зеркалом волосы на бумажки, чтобы добиться идеальной «волны», мать часто ворчала, что красота должна говорить сама за себя и что работу Аллаха редактировать не нужно.

– Кое-кого из нас необходимо подредактировать, мама, – возражала Зари. – Мы должны Ему помогать.

– Ах, госпожи Аслан, вам не жарко в такой шали? – робко спросила Маман и подтолкнула Ройю. – Ройя-джан, возьми у госпожи Аслан шаль.

Не успела Ройя взять шаль, как госпожа Аслан подставила ей для поцелуя одну накрашенную щеку, потом другую.

Румяна на лице будущей свекрови напоминали по вкусу увядшие розы. Ройя выпрямилась и протянула руку к шали. Но тут же получила по ней резкий шлепок.

– Не смей!

– Ой, извините. – Лицо Ройи залилось краской.

Бахман поскорее схватил мать за руку.

– Давай посиди, мама. Тебе нужно отдохнуть. – Он повел ее в дальний конец гостиной и посадил в кресло у стены, подальше от остальных гостей.

– Как странно! – прошептала Зари, подобравшись бочком к Ройе; с подносом в руках она обходила гостей и предлагала всем орехи. – Сегодня такая жарница! Как только она выдерживает?

– Видно, она просто... впрочем, не важно! Иди угощай всех орехами!

Зари вскинула брови, покачала головой и убежала.

– Девочка моя, не волнуйся. Просто сегодня госпоже Аслан было трудно подготовиться к этому визиту, вот и все, – сказал господин Аслан, подойдя к Ройе. – В какие-то дни она чувствует себя лучше, в другие хуже. Прости ее. Наши сердца наполняются радостью при виде вас. Это самое главное.

Казалось, он говорил это искренне, с улыбкой, и глаза у него были добрыми. Ройе стало жалко его. Они оба посмотрели в дальний угол гостиной, где Бахман сидел рядом с матерью.

Он склонился над ней, держа в одной руке ее сумочку, а другой опираясь на ее кресло. Госпожа Аслан что-то постоянно говорила. Бахман решительно качнул головой в ответ на ее слова. Но госпожа Аслан не умолкала; казалось, она о чем-то молила сына. Бахман спокойно глядел в пол. Госпожа Аслан возмущенно показывала на свою сумочку. Наконец Бахман открыл сумочку и вынул из нее что-то. Ройя вытаращила глаза, увидев прямоугольный бамбуковый флажок, каким раздувают пламя, когда готовят кебаб. Балансируя на корточках, Бахман медленно помахал на лицо матери флажком, словно веером. Госпожа Аслан замолчала, закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

Ройя оглянулась.

– Хорошо бы она сняла шаль, – грустно сказал господин Аслан. – Но ведь она и слушать не захочет, Ройя-ханум. Она всегда делает так, как решила. Пожалуйста, простите. Она не владеет собой.

* * *

На кухонном столе лежали розовые коробочки из кафе «Ганади». Казеб и Зари вынимали пирожные – «слоновые ухо» и «языки», а Маман осторожно, чтобы не упало ни крошки, раскладывала их на тарелки. Маман подняла раскрасневшееся от жары лицо.

– Что ты здесь делаешь, Ройя-джан? Возвращайся в гостиную и беседуй с гостями. Ты должна поговорить с каждым. Ступай!

– Я хочу вам помочь.

– Нет, ты будущая невеста! Пожалуйста, иди к гостям. Особенно к госпоже Аслан. Тебе нельзя проявить невежливость. Если ты хочешь прожить счастливую семейную жизнь, ты должна угождать своей свекрови. Такова заповедь, которую знает каждая женщина!

– Ханум, вот почему если я когда-нибудь выйду замуж, то постараюсь найти себе в мужа приличного сироту, – вмешалась Казеб.

Зари расхохоталась.

– Отличный план! – одобрила она.

Маман покачала головой.

– Ройя-джан, ты должна проявлять уважение к нашим гостям. Иди и поговори с госпожой Аслан; нельзя игнорировать ее.

Ройе хотелось остаться с матерью, сестрой и Казеб в родной уютной кухне, где пахло рисом «басмати» и шафраном, где Маман раскладывала на тарелки «слоновые уши» и «языки» и обсуждала с помощницами, насколько хрустящим получился рис *тах-диг* на дне котла. Ей было странно чувствовать себя в роли почти невесты. Пока мать раскладывала пирожные, Ройя удивлялась, как быстро все произошло. Они с Бахманом стремительно прошли путь от магазина канцтоваров до кафе «Ганади», потом познакомили между собой их семьи. И вот теперь помолвка. Все в ускоренном темпе, как в немых фильмах с Чарли Чаплином, которые часто крутят в кинотеатрах.

– Иди немедленно! – прикрикнула Маман.

Ройя неохотно вернулась в гостиную.

Бахман больше не суетился возле матери. Теперь он стоял с группой мужчин, включая Баба, и беседовал с ними. Ройя с радостью увидела, что к нему вернулась прежняя уверенность в себе. Ей было трудно смотреть на покорного мальчика, обмахивавшего веером лицо матери. Сквозь общий гул голосов слышался отцовский смех. Будущий зять явно очаровал Бабу. Ройю захлестнула гордость за Бахмана: за его энергию, доброту, умение вдохновлять слушателей. Конечно же, она сможет общаться с его матерью.

Лавируя между группами гостей, она направилась в дальний угол, где сидела госпожа Аслан. Она будет вежливой, покладистой и покорно выслушает жалобы госпожи Аслан на жару в комнате. Притом что мать Бахмана так и сидела в зимней шали.

Подходя к креслу госпожи Аслан, Ройя с удивлением увидела склонившегося над ней мужчину. Она не поняла, кто это, так как видела только его спину в льняном пиджаке. Может, родственник? Бахман как-то сказал, что причина недугов матери отчасти кроется в ее одиночестве. Все ее родственники жили далеко на юге, и она с ними почти не виделась. Госпожа Аслан жила отдельно от них в Тегеране и общалась лишь с несколькими соседями; из-за застенчивости господина Аслана и ее непростой болезни у них почти не было друзей дома.

Ройя подошла ближе к госпоже Аслан и неизвестному мужчине. На этот раз ей показалось, что мать Бахмана сетовала не на температуру в комнате. Она что-то быстро говорила мужчине, сжимая одной рукой шаль и жестикулируя другой. При виде Ройи она замолчала, выпятила губы и кивнула мужчине. Он оглянулся.

– Вот и наша юная невеста!

Роя узнала голос еще до того, как увидела лицо.

– Господин Фахри!

Она никогда не видела его таким элегантным. В магазине он обычно носил простую рубашку, удобные штаны и напоминал профессора, но сегодня нарядился.

– Ой, девочка, не надо так удивляться! – В голосе госпожи Аслан звучало раздражение.

Роя зарделась. Сегодняшняя вечеринка предназначалась для семьи и близких друзей. Событие не слишком важное, просто возможность выпить чаю с близкими людьми. Но Маман, верная себе, не удержалась и устроила пир. К традиционному меню, чаю и пирожным она добавила свое фирменное блюдо из курятины – *джудже кебаб*. Конечно, пришлось приготовить и рис, но одного лишь белого риса было недостаточно, и она не могла не украсить рис барбарисом, миндалем, фисташками и апельсиновой цедрой.

– Манидже-джан, это не свадьба, а всего лишь помолвка! – запротестовал Баба.

– Я приготовлю совсем немножко! – пообещала Маман, торопливо хлопоча на кухне.

– Смотри, вдруг мы перестареемся и сглазим! – Баба решил сыграть на ее суеверии.

– Не волнуйся! – сказала Маман, и Баба потер лицо, как делал всегда, когда тревожился.

Роя знала, что он прикидывал, во сколько все это обойдется. Он всегда думал о том, как уложиться в бюджет: заплатить Казеб, купить кур и мясо, приобрести ткань на новые платья для девочек, чтобы они выглядели не хуже других. *Она думает, что мы недостаточно хороши, я знаю! Она считает, что ее сын мог бы жениться на девушке из знатной семьи. Она просто одна из тех жадных женщин, которые хотят карабкаться вверх по социальной лестнице! Ей нужно больше денег и более высокое положение в обществе.*

– Ладно тебе, девочка! Что ты так побледнела? – раздраженно сказала госпожа Аслан таким тоном, словно обращалась к служанке.

– Просто я... – пробормотала Роя и повернулась к господину Фахри. – Просто я удивилась, увидев вас здесь.

– Это я пригласила его. В конце концов, ведь это помолвка моего сына. Разве я не имела право позвать своих старых друзей?

– Вы знакомы?

Господин Фахри нервно засмеялся.

– Милая моя, ваш роман начался в моем магазине, у меня на глазах, у моих книжных полок, среди моих канцелярских товаров. Ты сама знаешь. Вот и все, что имела в виду госпожа Аслан.

Роя вспомнила, как господин Фахри когда-то посоветовал ей быть «очень осторожной» с Бахманом. Вероятно, из-за госпожи Аслан? Этой жуткой женщины, которая всячески унижала ее? Знал ли господин Фахри, что Бахмана собирались женить на Шахле? Откуда он вообще знает мать Бахмана?

– Надо же, что вы ухитрились сделать! Свели моего сына с этой девушкой, не так ли, господин Фахри? Браво! Ну вы и волшебник, – фыркнула госпожа Аслан.

На лбу господина Фахри выступили капельки пота.

– Вы преувеличиваете мои возможности, госпожа Аслан, – спокойно возразил он. – Я не обладаю даром волшебника.

– Ах, не скромничайте. Такой идеальный джентльмен! Такой добрый! Не причинит вреда никому, ни одной живой душе! Ни... одному... ребенку, – медленно проговорила госпожа Аслан.

Из кухни повеяло ароматами шафранного риса. Скоро всех пригласят к столу. Потом гости разойдутся. Праздник в честь помолвки закончится. Они с Бахманом поженятся в конце лета. На свадьбе будет присутствовать и госпожа Аслан. С ней надо ладить. Непременно ладить...

– Низкий вам поклон! – пронзительно крикнула госпожа Аслан. – Низкий вам поклон, господин Фахри! Глядите, что вы сделали! – Она взмахнула рукой. – Вы соединили два юных любящих сердца! Какое волшебство!

Ройе сделалось нехорошо, она ощутила смятение, видя, что господин Фахри выглядел таким же растерянным и виноватым. А сарказм госпожи Аслан был просто отвратительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.